

Юлия Федотова

Опасная колея

Юлия Федотова

Опасная колея

«Автор»

Федотова Ю.

Опасная колея / Ю. Федотова — «Автор»,

...Немного иная реальность, немного иная страна, похожая на нашу – и не похожая. А беда-то вечная, российская – дороги да расстояния. Долог, утомителен путь из Москов-града в Северную Пальмиру, трудно управлять государством о двух столицах, что зрят в разные стороны, как двуглавый орёл на гербе. И вот, желая угодить государю Павлу II Иоанновичу, чиновники Министерства путей сообщения замыслили небывалое: связать обе столицы магическим порталом. Смелый прожект, большие миллионы на кону. Все ведущие российские чародеи мечтают о таком выгодном заказе, но лишь двое из них получают его. И вскоре оба погибают ужасной смертью от руки неведомого злодея. Что это? Простое ограбление? Расправа с соперниками? Или нечто гораздо более страшное и тайное, способное повлиять на судьбу всей страны, изменить ход её истории? За расследование преступления берутся молодой, но весьма многообещающий сыскной чиновник Ивенский и его новоиспечённый помощник Удальцов. Очень скоро они понимают, какое опасное дело им досталось, и как трудно будет довести его до конца. Потому что выросла в диком поле чёрная гора, и высится на вершине её чёрная башня, и гнездится в той башне древнее зло, грозит России большой бедой. И одолеть это зло способен только народный герой по имени Иван – лучше, конечно, Царевич, но на худой конец сгодится и Дурак...

© Федотова Ю.

© Автор

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Юлия Федотова

Опасная колея

*На море-окияне, на острове Буяне
Лежит бел-горюч камень Алатырь...*

Часть 1

*Я встречаю нагие тела,
Посиневшие в рыхлом снегу.
Я минуты убийств стерегу.*

В Брюсов

День не задался с самого утра, хоть лесным зверем вой.

Сначала у кухарки что-то подгорело, и чад проник в комнаты жильцов. Рано утром коллежского асессора Ивенского, второго пристава Сысного отделения Московградского Управления полиции¹ разбудили дикие вопли денщика Захара: «Горим! Горим, ваше высокоблагородие! Спасайтесь!» Роман Григорьевич выскочил полуодетым в холодный коридор, и к некоторой даже досаде своей выяснил, что спастись нет нужды. Хозяин пансиона лично бегал от двери к двери, успокаивая встревоженных жильцов: «Господа, господа, не нужно паники! Случилась маленькая неприятность на кухне! Вашей безопасности ничто не угрожает, господа!» Роман Григорьевич плюнул и вернулся в моментально остывшую постель, но сон больше не пришёл. С полчаса поворочавшись, молодой человек встал, позавтракал удивительно невкусной яичницей и нехотя побрёл на службу. Почему нехотя? Да потому что в такой день хороший хозяин и собаку-то из дому пожалеет выгнать!

На дворе был холодный злой ноябрь. Уже полмесяца держались крепкие морозы. Давно стала Яуза, и лёд на ней выдерживал тяжело гружёную телегу. Почва промёрзла так, что землекопы с Немецкого кладбища запросили у городского начальства прибавки к жалованью, и, по непроверенным слухам, даже получили таковую. Ветер дул с севера, выстужал жильё, гонял по дворам тучи сухой колючей пыли. Пора бы выпасть снегу, а он всё не выпадал. Город стоял серый и грязный, даже центральные, богатые районы его являли собой унылое зрелище. Незамощённые улицы дальних окраин обледенели от помоев, и тела нищих, замёрзших за ночь, и несчастных, прирезанных на Хитровке, так и валялись во всём своём безобразии, ничем не припорошенные. Из лесу потянулись к городу оборотни – грызть лёгкую добычу. По сугробам-то не сунешься – живо выследят полицейские егеря. То ли дело по мёрзлой земле, следов не оставляя... Страшно было в городе тёмными непроглядными ночами, днём же – уныло и безотраднo. А предсказатели, состоящие при городской управе, изо дня в день сулили большую метель – за что только им, шарлатанам, деньги платят!

«Скорее бы лёг снег! Что может быть противнее зимы без снега? – с тоской думал Роман Григорьевич, кутаясь в холодный форменный плащ. Плащ стоял колом и не грел. Ветер бил в лицо, на зубах хрустела пыль... Вот ляжет снег, и тогда можно будет добыть из сундука тёплую шинель с меховым воротом, сменить кожаные сапоги на войлочные, надеть рукавицы вместо щёгольских, но совершенно бесполезных на морозе перчаток... «Если на днях не выпадет снег – перейду на зимнее обмундирование без приказа, на свой страх и риск! Или вовсе явлюсь в

¹ В нашей реальности сыска́я полиция конца XIX в. имела отчасти схожую, но в целом иную структуру и иной устав службы.

партикулярном, будто простой надзиратель, да так и поведу приём! И пусть хоть со службы увольняют! Сколько можно мёрзнуть в осенней амуниции, народ смешить?»

...А упомянутый народ уже толпился у дверей отделения, несмотря на ранний час и лютый холод. Двери были заперты. Странно! Неужели он явился на службу первым? Отродясь такого не случалось! Господин Ивенский отнюдь не был ранней пташкой. Откровенно опаздывать он себе, конечно, не позволял, но всегда приходил в самую последнюю минуту, так что даже старшие сослуживцы неизменно его опережали, о нижних чинах нечего и говорить. Но сегодня он действительно был первым... Ах, да! Всё дело в неурочном подъёме. Ведь чуть не на час раньше времени встал – такая досада!

– А ну, р-разойдись! – срывая зло, прорывал Роман Григорьевич на просителей и забарабанил в дверь окоченевшим кулаком. – Дежурный! А ну, отворяй, чтоб тебя! Дрыхнешь, паразит, на посту!

За дверью послышалось движение, а потом и голос.

– Кто там стучит? Кто стучит прежде времени? Вот я вам уже постучу, паразитам! Вот я всех в камеру, клопов кормить... Ах, ваше высокоблагородие! Это ж вы! Ах, виноват, не признал по голосу, простите великодушно! Что-то вы раненько нынче! Не спалось?

– Вот именно – не спалось! Не дали! – буркнул Роман Григорьевич себе под нос и, швырнув дежурному промёрзший плащ, проследовал в кабинет. – Объявляй приём! Сперва жалобщиков пропускать, доносчиков потом.

В другой день второй пристав, пожалуй, не стал бы браться за работу столь рьяно. Сначала погрелся бы у горячего бока печи, потом велел бы подать горячего сбитня и принести из лавки свежую булку с маком, потом сходил бы в соседний кабинет, поболтать с сослуживцем и приятелем Игловым о его амурных делах (неизменно неудачных), и только потом начал приём. Но на дворе трещал мороз, и люди в плохих, бедных одеждах топтались под дверью, кутались в своё рваньё, хлопали себя по бокам, приплясывали в безнадежной попытке согреться... В общем, те, кто утверждали, будто у его высокоблагородия, второго сыскного пристава, господина Ивенского совершенно нет сердца, ошибались. Оно у него было. Иногда.

В кабинете было тепло, но волгло. От стен пахло сырой извёсткой и грибком. Лампа коптила, за окном не желало светать. На зелёном канцелярском сукне стола лежала серая пыль. Скучной чередой потянулись жалобщики. Шли они не сами – их присылали с участков. Якобы, такие сложные вопросы у них, что на месте не решишь, только господам из Управления под силу разобраться, что и как.

Роман Григорьевич жалобщиков выслушивал (Только покороче, любезный, казённое время дорого!), записывал наспех, и почти всех отсылал обратно, к участковым приставам. Из десяти дел принимал, самое большее, два. Потому что невыплаченными долгами, утраченными бумагами, земельными спорами, вытравленными в утробе младенцами, случаями незаконного рукоприкладства и тому подобной ерундой Сыскное отделение не занимается. А занимается оно расследованием дел государственной важности, как то: смертоубийство, людоедство, разбой дневной и ночной, некромантия, чернокнижие, контрабанда, незаконное ростовщичество, растрата казённых средств, военная измена «и проч., и проч.», как написано в Уставе.

Определённо, те, кому властью доверено составление служебных уставов, должны выражать свои идеи более конкретно. Из-за этого «и проч., и проч.» Сыск положительно не знал покоя, потому как нерадивые участковые приставы склонны были толковать данную категорию чрезвычайно широко. Особенно грешил этим некий Мухорцев из Приречной слободы. Ну, буквально всё готов был спихнуть, от пьяной драки до карманных краж и карточного мошенничества! Шли и шли от него люди, шли и шли! Потеряв последнее терпение, Роман Григорьевич сам лично являлся пару раз в Приречный участок, орал так, что звенели стёкла, писмоводители прятались под стол, а домовый, которого они зачем-то прикармливали, падал в обморок. Сам пристав тоже чуть не падал в обморок, размазывал слёзы по пухлым розовым

щекам, каялся и клялся. Но не проходило и месяца, как принимался за старое, паразит! Вот и нынче, кого только не прислал: побитую мужем бабу («А ведь первый только разочек изменила ему, аспиду, за всю-то долгую жизнь!»), молочника, сглаженного соседкой-ведьмой (весь товар у него теперь прокисает, видите ли!), и даже дворника, которому хозяин платит «не по уговору»! Ах, если бы не мороз, если бы снег лежал – пошёл бы снова и с землёй Приречный участок сровнял, честное слово! Великого труда стоило Роману Григорьевичу не срывать зло на ни в чём не повинных жалобщиках.

– Вот! – любезно говорил он каждому и протягивал сложенную вчетверо бумагу. – Ступай к вашему приставу, передай. Он твой вопрос решит.

– А коли не решит? Коли опять к вам пошлёт, ваша милость? – канючили жалобщики. Ожиревшего, беспредельно ленивого и нечистого на руку пристава своего они хорошо знали, им куда больше хотелось бы иметь дело с молодым, решительным на вид и приятным в обхождении сыскным.

– А вот коли не решит, – зловеще усмехался тот, – тогда придёшь ко мне и доложишь.

Жалобщики уползали задом, кланяясь и сжимая в руке заветные бумажки. В каждой значилось одно-единственное короткое слова: «Убью!» и красивый росчерк подписи.

К полудню они кончились. Жалобщики, в смысле. Пришла очередь доносчиков. О, это был совсем другой сорт! Эти вели речь о преступлениях действительно ужасающих! Одна только странность: грабителями, казнокрадами или тьфу-тьфу через левое плечо, некромантами почему-то оказывались непременно либо близкие соседи, либо дальние родственники, либо непосредственные начальники. Роман Григорьевич гнал их в три шеи, не опасаясь ошибиться. Он имел достаточно опыта, чтобы отличить подлинный донос от злого навета.

Доносчики шли, шли, и не было им конца...

«Да что такое?! Идут и идут! Как плотину прорвало!»

– Дежурный!

– Слушаю, ваше высокоблагородие! – дежурный – не утренний, сменщик его – влетел в кабинет, вытянулся во фрунт.

– Скажи, что стряслось в городе? Почему столько народу к нам?

– Так ведь эта... докладываю! Народу, ваша милость, как обычно нынче. Только все ведь к вам одному идут, вот и кажется вам, будто много.

– Ко мне одному?! – красиво изогнутые брови молодого чиновника поползли вверх. – Это с какой же такой радости, позволь узнать?

– Так ведь эта... – начинать свою речь иначе этот городской, похоже, не умел. – Докладываю! Других-то из господ приставов нет никого! Вы один нынче на службе обретаетесь.

Один? – поразился Роман Григорьевич. – А остальные где?

– Так ведь...

– Короче!

– Слушаюс-с! Захворали все! Простыли видать, али поветрие пошло! Ото всех посыльные были, что нездоровы и в ближайшие дни явиться никак не могут. Такие у нас дела, – городской сочувственно развёл руками. – Один вы в строю остались, ваше высокоблагородие... – и предложил участливо. – Я вам булочку горяченькую из лавки принесу? Кипяточку согрею?

– Давай, – утомлённо согласился Роман Григорьевич, поправил ворот вицмундира, небрежно откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза. – И народу вели, чтоб не шумели под дверь. Голова уже кругом идёт, – он страдальчески, на манер капризной барышни, сжал пальцами виски, хотя на самом деле голова его была в гораздо лучшем состоянии, чем он стремился представить.

Увы. Не суждено было господину Ивенскому в тот день ни булочки съесть, ни горячего испить. Растолкав могучими ручищами народ, в кабинет с воем ворвалась толстая всклокоченная баба.

– А-а-а! – голосила она истошно. – А-а-а! Убили! Уби-и-или-и-и! Ваша милость, убили! А-а-а!

– Цыц, женщина! – велел Роман Григорьевич строго. – Говори толком, где убили, кого?

– Вот я и говорю, ваша милость! – баба на удивление быстро успокоилась и, принялась тараторить едва ли не радостно. – Убили! Колдуна Понурова, того, что отсюда в недалече, на Боровой живёт! Там у него и лавка при доме своя. А я, стало быть, в лавку к нему пошла, за отворотным зельем. Для дочки, стало быть. Потому как дочка моя единственная с таким, про-сти господи, обормотом связалась, что не знаю, как и разлучить их! Ну, соседка и надоумила: ты сходи, говорит, к колдуну Понурову, он хоть и дорого дерёт, сказывают, зато...

– КОРОЧЕ! Пошла ты к колдуну...

– Ага! Пошла я к колдуну. Захожу в лавку-то – нет его, хоть и отперто. Я звать – не откликается. Тогда я через заднюю дверь прямо в дом к нему *проникнула*, а там – батюшки! Лежит! Весь как есть неживой! Убитый! Ну, я подол подхватила, и скорее к вам! Потому как страшно до ужастии!

Роман Григорьевич нехотя поднялся с места. Уж он чуял, что придётся выходить на мороз. А так не хотелось!

– Да ты хорошо ли смотрела, женщина? Может, он просто уснул крепко, утомлённый колдовскими трудами, а ты вломила без спросу? Или пьяный валяется?

Баба замахала руками.

– Какое там уснул, ваша милость, когда горло от уха до уха перерезано, и кровищи вокруг море разливанное – едва подол не замочила! Убитый, как есть убитый! Чем угодно поклянусь!

– Ну, пошли, поглядим, какой он убитый, – обречённо вздохнул Роман Григорьевич. – Далеко, ты говорила, до места?

– Квартал-другой, ваша милость! – услужливо подсказала баба.

– Дежурный! Вели лошадей подать! – ну, не желал он мёрзнуть пешком по казённой надобности.

– Так ведь эта! Докладываю! Возчик наш тоже захворал!

Что ж, одно к одному...

– А тут к вам ещё одно лицо, ваша милость! Просют принять по службе! С бумагой!

– Ах, некогда мне! Происшествие в городе!

Но тут из-за плеча дежурного раздался звонкий, почти мальчишеский голос.

– Ваша милость! Разрешите отрекомендоваться! Чиновник четырнадцатого класса, Удальцев Тит Ардалионович, прибыл к месту службы в должности младшего полицейского надзирателя!

Это был юноша лет восемнадцати, не больше. По-детски круглое лицо, весёлые глаза. Щёки покраснелись на морозе, новенький плащ стоит колом, а ему все нипочём. «Ах, молодость, молодость!» – ностальгически вздохнул Роман Григорьевич с высоты своих двадцати трёх.

– Прибыл, стало быть? Ну, служи. Быстренько, собери письменные принадлежности и следуй за мной. Протокол будешь вести – на Боровой убийство.

– Убийство?! – глаза юноши восторженно разгорелись.

Убийство. Не наврала баба, правду сказала.

...Дорога к дому колдуна вышла совсем недолгой, вот только ветер успел перемениться и снова дул в лицо, будто назло. Зато ноги на мостовой не скользили – район был хорошим, помои

на улицу здесь никто не лил, только вокруг тумб и фонарных столбов растекались мёрзлые струи собачьей мочи, ну, да их было легко переступить.

Дом «колдуна» тоже оказался хорошим – добротный каменный особняк прошлого века, с шатровой крышей, крытой черепицей на западный манер, и широким крыльцом. Верхний, жилой этаж его смотрел на мир «змеиными» окошечками-бойницами, такими узкими, чтобы ни одно из крылатых чудовищ, каковые в давние времена постройки дома ещё не успели перевестись на Руси, не могло просунуть внутрь голову или лапу.

В нижнем этаже особняка разместилось торговое заведение, и окна его были расширены, переоборудованы в просторные витрины, заполненные всяческими диковинами, призванными поразить воображение посетителя. Были в их числе и разноцветные кристаллы изумительной красоты, и связки неприятных белых кореньев, напоминающих сильно усохшие трупики («Мандрагора!» – со знанием дела прокомментировала провожатая, хотя её никто не спрашивал), и большие бутылки с заспиртованными гадами, и даже чучело редкого зверя индрика (скорее всего, поддельное – больно уж зад смахивал на лошадиный). Но в отличие от большинства городских лавок, вывески над входом в заведение не было, её заменяла богатая медная табличка с затейливо выгравированной надписью.

«Г-н А.А. Понуров, адепт белья и чёрных магии, гроссмейстер, доктор оккультных наук. Лицензия на частную практику государственного образца за номером 113. Приём от 9 до 18 кроме праздничных дней», —

гласила она. Вот вам и колдун-лавочник! Вот и слушай после этого баб!

У дверей уже толпилась прорва зевак – видно баба воплями своими всполошила весь квартал. Дремуче-бородатый, седовласый дворник в неопрятном тулупе на вате, отчаянно бранясь, гнал их метлой, но они не желали расходиться, стояли и выжидали чего-то. «Охота же мёрзнуть! – подумал Роман Григорьевич с раздражением. – Можно подумать, никогда убитых не видали!»

При виде людей в форменных плащах дворник молодцевато вытянулся и метлу свою перехватил на манер ружья.

– Честь имею доложить! Внутри совершено злодейство! Труп холодный уже! Попытки проникновения посторонних лиц на место преступления пресечены нашими силами! Докладывал дворник Пахом Гусь.

– Молодец! Благодарю за службу! – одобрил Роман Григорьевич от души и протянул bravому старцу серебряный. Дворник просиял: «рад стараться, ваше высокоблагородие!».

Без малейшего скрипа распахнулась дубовая дверь, и молодые люди шагнули через порог магического заведения. Баба хотела просочиться следом, но бдительный страж её отогнал: «Неча, неча лезть, куда не звали! И без тебя господа разберутся! Ты своё дело сделала – чуть не весь город на ноги подняла, окаянная!» Та что-то затараторила в ответ – через дверь уже не было слышно.

...Конечно же, это была не торговая лавка, скорее, приёмная, добротно и не без претензии меблированная. В передней её части стояли приземистые полосатые диванчики на гнутых ножках, низкие восточные столики с инкрустированными перламутром столешницами и комнатные цветы в больших кадках. Задняя часть помещения показалась Роману Григорьевичу чем-то средним между аптекой и библиотекой. Там на двух открытых, упирающихся в потолок стеллажах размещались старинные книги в красивых золочёных переплётах и разнообразная стеклянная посуда, от массивных бутылей с притёртыми пробками до изящных колб и реторт, хрупких как мыльные пузыри. Имелся в комнате и закрытый шкаф, тоже до потолка, с дверцами, украшенными богатой резьбой в виде цветов, единорогов и львов, и защищёнными мощными чарами, от которых казённый амулет на запястье приблизившегося пристава моментально стал горячим. Видя такое дело, Роман Григорьевич решил осмотр его отложить

на потом, и вплотную заняться трупом, каковой обнаружился здесь же, на первом этаже, в смежной комнате, служившей, судя по скромной обстановке и обилию всевозможной магической утвари, хранилищем или кладовой.

Несчастный грессмейстер, лежал на некогда дорогом, а ныне изрядно потёртом персидском ковре, широко раскинув руки; пальцы их были судорожно скрючены, будто продолжали скрести пол. Подол его чёрной, шитой золотом мантии неприлично задрался, обнажив худые белые ноги, уже покрытые трупными пятнами, и смешные полосатые подштанники. Огромная, действительно от уха до уха, рана зияла под вздёрнутым бритым подбородком. Страшный удар почти отделил голову от туловища, она держалась только на позвонках и смотрела в потолок широко открытыми, ничего не выражающими глазами. Крови вокруг разлились целые лужи, даже стены местами были забрызганы. Неприятное, конечно, зрелище. У Романа Григорьевича даже аппетит пропал, хотя ещё минуту назад он скорбел о горяченькой булочке, что так ему и не досталась.

– Ну, что, заводи протокол, – не оборачиваясь, велел он своему юному спутнику. – Пиши... Так, что мы имеем? Труп пожилого мужчины средних лет, благородной наружности... Пишешь?

Ответом ему был не то всхлип, не то стон. Пристав обернулся. Новоиспечённый инспектор стоял, тяжело привалившись к косяку. Лицо его было совершенно зелёным, а глаза – дикими. Руки мелко тряслись. В общем, писать протокол было некому.

– Ступай на улицу, отдышись, – велел Роман Григорьевич удручённо.

Тит Ардалионович что-то обморочно пискнул и выполз из комнаты по стеночке.

«Ну что за изнеженная молодёжь нынче пошла!» – сказал себе господин Ивенский. Его самого трупам было не удивить. Дело в том, что вырос он не просто в военные годы,² а на войне, в действующей армии. Папенька его в ту пору генеральских эполет ещё не носил, служил простым полковником. Матери же своей юный Ивенский не знал вовсе. Папенька уверял, будто она скончалась родами, но злые языки возражали: не скончалась вовсе, а вскоре после рождения первенца сбежала за границу с каким-то музыкантом. Так или иначе, материнской опеки Роман Григорьевич был лишён. Не желая доверять воспитание единственного наследника посторонним людям, полковник Ивенский всюду возил его с собой, и лихие военные времена не стали исключением. Только не нужно думать, будто полковничье чадо росло таким сыном полка, либо малолетним дикарём вроде полубеспризорных маркитантских детей. Уж конечно, отец озаботился дать ему надлежащее образование и воспитание, и всякий раз, когда очередного гувернёра настигала шальная пуля или осколок бомбы, непременно нанимал нового, как ни старался сын убедить папеньку, что все науки уже постиг, и в воспитателях более не нуждается. И в лобовые атаки полковник наследника не пускал, заставлял отсиживаться в ставке. Только в пору больших отступлений и приходилось повоевать малолетнему Роману Григорьевичу, потому что когда враг прёт и войско бежит, дорог каждый штык, да и отсиживаться, собственно, негде. Отступал папенькин полк редко, однако, этого хватило, чтобы будущий сыскной пристав насмотрелся такого, что вид мёртвого тела больше не мог его смутить.

Младший же сослуживец его такого опыта, увы, не имел, и на улице бедняжку стошнило, прямо на глазах у зевак. Зато сразу после этого ему заметно полегчало, и, к чести своей, он нашёл в себе силы вернуться в дом. Пристав не без удовольствия отметил положительные изменения в облике чувствительного подчинённого: лицо юноши цветом своим больше не напоминало жабые брюшко, щёки его чуть тронул былой румянец, а уж уши-то полыхали так, что любо-дорого посмотреть!

² Речь идёт о Крымских войнах – Первой 7362–7363 гг. от сотворения мира – соответственно 1853–1856 гг. от рождества Христова, и не случившейся, к счастью, в нашей реальности Второй Крымской войне, переросшей затяжную Отечественную 7366–7370 гг.

– Ну как, пришли в себя? – желая поднять боевой дух юноши, Роман Григорьевич решил обращаться к нему на «вы». – Тогда приступайте к службе. Тело я уже осмотрел, возвращаться к нему нет нужды. Давайте займёмся обстановкой, надо выяснить, не украдено ли чего.

– Вы думаете, это было простое ограбление? – охрипшим голосом пробормотал младший надзиратель, после облегчения желудка ему было трудно говорить.

– Не думаю, – честно признался пристав. – Нужно быть настоящим безумцем, чтобы решиться на ограбление жилища мага... Да и невозможно это сделать, если только ты не более сильный маг. Но тогда тебе нет нужды промышлять грабежом... – Роман Григорьевич не столько обращался к Удальцеву, сколько рассуждал вслух. – Тем не менее, наш долг – проверить все возможные *версии*. Потому как мир наш устроен странно, и в нём порой случаются всякие чудеса.

Проверять версии юному инспектору пока не приходилось, зато выстраивать их он очень любил.

– Если грабитель был неграмотным, – принялся фантазировать Тит Ардалионович, – он мог даже не догадываться, что столкнётся с магом. Просто заметил богатый дом и...

– Нужно быть полнейшим идиотом, чтобы не догадаться, кому принадлежит этот дом! Вспомните выставку в витрине! – ворчливо перебил Ивенский. – Опять же, повторяю, простому человеку, тем более, неграмотному, мага не ограбить, и уж конечно не убить. Поверьте, эти господа умеют за себя постоять... Ладно, что мы как рыночные гадалки теоретизируем на пустом месте? Улики надо искать, улики!.. Стойте! Руками ни к чему не прикасайтесь! Тут повсюду могут быть защитные чары. Лучше берите протокол и пишите. Так. На чём я остановился?

– Следы волочения отсутствуют, – разочаровано подсказал Тит Ардалионович, всяческую казённую писанину он страсть как не любил, душа требовала живого дела.

– Угу. Едем дальше. Признаки ограбления отсутствуют также. Порядок в комнате не нарушен, равно как и в смежной с оной...

– Ой! А я нечаянно написал «в смежной с нею»!

– Ах, да какая разница, пусть будет «с нею». Вещи не перемещены с мест, запоры не сорваны...

– А почему вы знаете, что не перемещены? – не сдержал любопытства Удальцев. – Разве вы бывали тут прежде?

– Потому что в этой комнате не метено уже недели две. Посмотрите, какая пыль вокруг. Если бы вещи перемещали, остались бы тёмные пятна. Так... Следов ног злоумышленника на гладких поверхностях пола не обнаружено. Имеется три чётких отпечатка обуви свидетельницы, мешанки Дарёны Лупкиной, обнаружившей тело, и многочисленные следы домашних туфель хозяина...

– Тогда зачем же его убили, если не ограбили? Из мести? – эта версия показалась Титу Ардалионовичу очень романтической, и он озвучил её с удовольствием, не побоявшись перебить начальство.

– Возможно, – согласился господин пристав. – Из мести, из зависти, из желания сокрыть какие-либо сведения... Причин может быть множество. Кстати, от версии с ограблением тоже не стоит отказываться.

– Но вы же сказали...

– Я сказал, что не считаю ограбление *простым*. В том смысле, что грабитель не мог быть человеком случайным. Это был учёный маг или колдун, по силе сравнимый, либо даже превосходящий убитого. Он мог прийти в дом за какой-то определённой, важной для себя вещью. И он хорошо знал, где её искать! Явился колдовским своим путём, не оставляя отпечатков на пыльном полу, убил хозяина, забрал искомое и исчез, растворившись в астральных сферах, опять же, бесследно! Таким мне представляется это дело.

Увы, пять лет на самом деле – совсем не такой большой срок, как воображал Роман Григорьевич. И к скоропалительным выводам господин второй пристав был склонен не меньше, чем его младший сослуживец. Впрочем, он обладал отменной интуицией, и она его, как правило, не подводила. Кроме того, он не был лишён критики.

– Впрочем, пока это всего лишь наши фантазии. Надобно узнать, не держал ли убитый прислуги или, скажем, подмастерье. Они могли бы точно указать, пропало что-нибудь, или нет. Ступайте, расспросите дворника, а я тем временем закончу осмотр места.

Разговор с дворником вышел коротким. Покойник жил большим бирюком. Учеников либо подмастерьев у него не было, равно как и постоянной прислуги. Приходила раз в неделю баба, прибирала. Но вот какая странность – второго числа нашли её мёртвой в подворотне. Повреждений на теле не обнаружилось, участковый пристав решил – замёрзла с пьяных глаз. «И ведь толковал я им: вовсе непьющая бабёнка была, византийской веры, из духославниц, – но они и слушать не стали, так и записали в бумагах своих, дескать, замёрзла спяну. С тем её и свезли на Немецкое».

...– Действительно, странное совпадение, – удручённо вздохнул Роман Григорьевич, выслушав доклад. – Что ж, попробуем разобраться. Где наша не пропадала! – сказал так, а сам подумал – какая же удача, что именно сегодня фортуна послала ему молодого Тита Ардалионова! Потому что в одиночку чинить обыск в доме учёного мага было бы совсем несподручно. Страшновато было бы, если называть вещи своими именами. Вдвоём как-то веселее... Здравый смысл подсказывал второму приставу: по хорошему, следовало бы на рожон не лезть – опечатать помещение и вызвать мага с участка, раз уж свой, Иван Ярополкович, захворал. Увы. Если бы молодые люди всегда внимали голосу разума, история человечества шла бы совсем другим путём...

Закрытый шкаф, тот, что со львами и единорогами, Роман Григорьевич вскрыл! Самостоятельно, без всяких магов, снял заклятие, открыл дверцы и замер пред ними, потрясённый до глубины души собственным магическим талантом. Конечно, в детстве его обучали началам тайных наук, и потом, в университете, прослушал, как положено, полный курс теоретической магии. Но чтобы на практике эти познания применять – такого с ним ещё не бывало! А вот рискнул – и получилось ведь! Получилось!

Правда, напрасно старался. Яды в шкафу хранились – красивые, разноцветные, в порошках, в кристаллах и растворах. Все аккуратно укупорены, на каждой склянке – бирочка с надписью и картинка в виде человеческого черепа. Опасное содержимое, но не настолько редкое, чтобы убивать из-за него. Проще к аптекарям сходить.

– Ах, каким же аккуратным человеком был покойный! – восхитился Тит Ардалионович, заглянув через плечо начальства в шкаф. А про себя подумал: «Надо непременно навести порядок в бюро! Вот так погрёшь ненароком, заглянут чужие люди, а внутри такой разгром – стыда не оберёшься!»

Кроме шкафа, чарами оказались защищены: на первом этаже – маленький сундучок, содержащий всяческие документы, в том числе, списки клиентов (ценнейшая находка!) на втором – встроенный в стену тайник с немалой наличностью, долговыми расписками и банковскими бумагами (именно по присутствию чар и отыскал его Роман Григорьевич). Судя по тому, как плотно был заполнен тайничок, ничего из него не пропало.

Пока Роман Григорьевич занимался своими изысканиями, новый помощник его всё больше таращился по сторонам без всякого толка и пропускал слова в протоколе. Это с точки зрения генеральского сына в квартире покойного мага не было «ничего примечательного». Тит Ардалионович происходил из фамилии куда менее знатной, доход его отца был невелик, семья жила не бедно, но скромно, без излишеств, привычных для представителей высшего света. Такой роскоши, какой окружил себя при жизни убитый, юному инспектору видеть ещё не доводилось. Всего три комнаты имелось на этаже, но каждая была обставлена так богато,

что глаза слепило от блеска и великолепия! Господин Понуров буквально купался в золоте – именно этим благородным металлом была покрыта его ванна («Дурной вкус!» – поморщившись, заметил Роман Григорьевич). И ничего, ничего из ценных вещей не пропало, если верить всё той же двухнедельной пылище. Значит, не ограбление всё-таки, а чистое, «бескорыстное» убийство? Обманула пристава Ивенского его хвалёная интуиция?

– Ещё раз проверим первый этаж, и если ничего нового обнаружится – пусть забирают тело и опечатывают заведение, – распорядился Роман Григорьевич.

Обнаружилось-таки! Обнаружилось новое! Ещё один потайной шкаф, замаскированный под стенную панель. Это лично Тит Ардалионович заметил глубокую прямую щель в глухой на первый взгляд дубовой стене, и потянулся было, чтобы заглянуть внутрь. Он хорошо знал, как открывается тайник этой нехитрой, прямо скажем конструкции – в доме его деда по материнской линии, советника Евстафьева, имелся точно такой же, и маленький Титушка в детстве любил прятаться в нём от многочисленных братьев и сестёр...

Да, стал бы, пожалуй, первый день службы младшего надзирателя Удальцева последним днём жизни, если бы мудрый начальник его не остановил. Вот она, интуиция! Никаких чар не улавливал его амулет, холодной, неживой змейкой обвивал запястье, однако, что-то заставило сыскаго пристава насторожиться.

– Назад! – велел он строго. – Я сам! И знаете что? Принесите-ка мне со двора свежую, не усохшую палку потолще. Что-то мне тревожно...

Тит Ардалионович выполнил поручение с лихостью. Палки ему на глаза не попало, тогда он отломал крепкий сук от растущего подле дома ясеня, хотя дворник Пахом поглядывал на него с неодобрением. «В интересах следствия!» – бросил ему юный инспектор, и гордо, будто не палку в руках держал, а скипетр или хоругвь, прошествовал в дом.

– О! Подходящая палочка, – одобрил господин Ивенский, и осторожно, если не сказать, опасливо, вставил её конец в щель, надавил, желая сдвинуть панель в сторону...

А в следующее мгновение ярчайшая вспышка белого света резанула по глазам, и тут же нестерпимая боль ожгла правую руку Романа Григорьевича. Неведомая сила ударила его в лицо, отшвырнула назад. Перелетев через тело убиенного, он врезался спиной в противоположную стену, сполз по ней на пол и затих. Умер – понял Тит Ардалионович, хотел закричать, позвать на помощь, и не смог. Силы покинули юного инспектора, и он тяжело опустился на пыльный ковёр, пропитанный чужой кровью.

Роман Григорьевич очнулся первым, но глаза открыл не сразу – стыдно было до слёз. Подумать только, вообразил себя едва ли не настоящим мастером, щёлкающим колдовские заклятья как орешки! Надумал тягаться с учёным магом! Защиту с его мебели снимал, скажите пожалуйста! Да просто не было на ней настоящей защиты – видимость одна, пугало для незадачливых воришек. А подлинные чары он не то, что снять – распознать не смог. Чудо ещё, что жив остался! Интересно, рука-то хоть на месте, или придётся заказывать протез из чёрного каучука, как у папенькиного товарища, полковника Усольского, оставившего правую кисть где-то в османских землях?

Осторожно, осторожно, опасаясь узреть худшее, Роман Григорьевич приоткрыл глаза... Ох! Рука, хвала богам, была на месте, и даже пальцами шевелила. Но рядом, бледный, в крови, лежал инспектор Удальцев, и признаков жизни не подавал. Ах, горе какое, чем же его так зашибло, бедняжку?! Что за невезение – погибнуть в первый день службы!.. Или нет?

Синеватые веки Тита Ардалионовича дрогнули, он сел рывком, затравленно огляделся...

Подле него на коленях стоял господин второй пристав, и вид у него был чрезвычайно скорбный.

– Ваше высокоблагородие! Вы живы? – в смятении выдохнул юноша.

– Жив, – серьёзно ответил тот, вопрос не показался ему праздным. – Вы, как я вижу, тоже. Встать можете? Сильно вас покалечило? – он уже понял, что кровь, разлившаяся вокруг,

Удальцеву не принадлежит, но ведь магический удар мог причинить ему и внутренние повреждения.

– Нет, не сильно, я цел, – смущённо пробормотал Тит Ардалионович, которому духу не хватило признаться, что причиной его обморока была не контузия, а исключительно нервное потрясение. – Самым краешком задело...

– Да, магия – это страшная сила! – значительно вымолвил Роман Григорьевич. – Мы с вами ещё легко отделались, друг мой. Только взгляните на это! – он поднял с пола палку и протянул инспектору.

И впрямь, тут было на что посмотреть. Крепкий сук оказался совершенно измочален, конец его так расщепило вдоль волокон, что он превратился в подобие метёлки или малярной кисти.

– А представляете, что было бы, окажись на месте палки ваша рука?

Зря он так сказал. Титу Ардалионовичу вновь сделалось дурно. Но Роман Григорьевич не стал строго судить нового сослуживца – его и самого потрясывало да поташнивало, не иначе, на нервной почве.

Однако, нервы, нервами, а начатое дело следовало завершить, тем более, что пострадали они не напрасно. Панель, за которой был спрятан тайник, оказалась сдвинутой вбок почти до упора, и за ней открылся ещё один стеллаж, плотно заставленный множеством удивительных вещей. Именно здесь покойный маг хранил главное своё достояние. Верхняя полка была занята книгами, да не простыми – чёрными. Теми, что писаны человечесьей кровью по пергаменту из человечесьей кожи. Имелись среди них «Собственноручные записки придворного колдуна Иоахима Брюса», Гайят аль-Хаким в латинском переводе, «Тайны червя» Терция Сибе-лиуса и несколько известных средневековых гримуаров – списки то были, или подлинники, Роман Григорьевич разобрать не умел. Не мог он прочесть и названия ещё пятнадцати книг, оттиснутых на чёрных корешках арабской вязью и старшими рунами. В любом случае, чёрная природа их была абсолютно очевидна, и пристав строго велел подчиненному ни к чему не прикасаться, хотя тот, после случившегося, и сам не стал бы рисковать.

Кроме книг, в тайнике имелось несколько человеческих черепов, густо испещрённых загадочными знаками, и один нечеловеческий: вдвое крупнее, с тяжёлой челюстью, выступающим лбом и единственной глазницей посредине. С черепами соседствовали изящные металлические сосуды, запечатанные сургучом – в таких арабы любят держать джиннов. Здесь же лежал большой хрустальный шар на треногой подставке, по его поверхности пробежали кровавые волны – видно, чуял гибель своего владельца! На особой фарфоровой подставке, выполненной в виде изящной женской руки (обычно такие безделушки любят дамы, в хозяйстве же учёного мага она смотрелась чужеродно и нелепо) хранились кольца и печатки, всего девять штук, самого неприятного вида – с изображением мёртвых голов, пауков, змей и крыс. Ещё был перстень с чёрным камнем, надетый на большой палец отдельно от остальных. Затем шёл ряд банок, заполненных землёй. На каждой этикетке красивым чётким почерком указано, с какого кладбища, в какой день и с чьей могилы взята земля – всё известные фамилии, ни одной простой.

О назначении скольких-то предметов, найденных в тайнике, Ивенский с Удальцевым даже догадаться не смогли, такими странными, ни на что знакомое не похожими, и в то же время зловещими они были.

«Ой-ой, уж не практиковал ли любезнейший господин Понуров некромантию?» – покачал головой Роман Григорьевич, и Титу Ардалионовичу стало жутко. Практиковал, как пить дать, практиковал – понял он. Однако, даже это неприятное открытие не было главным.

На второй полке снизу, между чёрной обсидиановой пирамидой и гадкой, замусоленной тряпичной куколкой, сидящей в стакане, будто лесная ведьма в ступе, зиял прогал. На пыльной

поверхности доски остался чёткий круглый след. Всё вокруг было забрызгано мелкими, уже подсохшими каплями крови, но в самом кругу – ни пятнышка.

Роман Григорьевич просиял.

– Вот вам и подтверждение моей версии! Право, ради этого стоило пострадать! Попробуем-ка теперь составить полную картину происшествия... – он задумался, но всего на миг, и продолжил с воодушевлением. – Да! Пожалуй, дело было так. Злоумышленник явился точно в момент, когда господин Понуров открывал свой тайник. Тот обернулся, удивлённый внезапным появлением постороннего лица, и шагнул ему навстречу, возможно, желая защититься. Но тот снёс... почти снёс ему голову саблей... Да-да, это был не нож, а серьёзное оружие: сабля, или меч, или, к примеру, османский ятаган. Так вот, грабитель прикончил хозяина, забрал из тайника нечто – скорее всего, какой-то сосуд, и исчез.

– И исчез! – эхом повторил восхищённый Тит Ардалионович. – Так всё и было! Я уверен!

– А я – нет! – неожиданно заявил Роман Григорьевич, и Удальцев вздрогнул, будто его окатили ушатом холодной воды. – Преступник мог нарочно подтасовать улики, чтобы направить расследование по ложному пути, такое тоже случается! Никогда не делайте поспешных выводов, мой юный друг, видимость часто бывает обманчива, – ох, если и стоило кому-то последовать совету столь полезному, так это самому господину Ивенскому! Что ж, поучая других, учимся сами, как говаривал кто-то из старых мудрецов.

...Они наспех приводили в порядок протокол, когда из передней послышался стук множества сапог.

– Дозвольте приветствовать господ сыскных! Душевно рад встрече! – раздался с порога молодой, но какой-то сонный, будто варёный голос.

«Ещё бы ты не радовался, что не тебе достанется дело!» – подумал Роман Григорьевич с раздражением. Обладатель этого голоса был ему хорошо знаком. Пафнутий Сергеевич Белозёр, гладкий и удивительно ленивый молодой человек лет двадцати пяти состоял инспектором при здешнем околотке, и проявлял при этом так мало служебного рвения, что люди несведущие удивлялись, зачем эдакого нерасторопного увальня держат на службе. Сведущие же знали, что родной дядя его, действительный статский советник Белозёр – человек не из последних и даже имеет руку при дворе.

Роман Григорьевич про дядю Белозёра, конечно знал, мало того, был знаком с ним лично, поскольку данный господин был вхож в дом его отца. Поэтому задаваться вопросом о служебном соответствии дядиного племянника он не стал, только заметил с напускным недовольством:

– Явились наконец-то, года не прошло! Право, Пафнутий Сергеевич, здешние дворники служат радивее вас! – на самом-то деле он был даже рад, что околоточный инспектор по обыкновению своему задержался. Явись он раньше – и застал бы, как господа сыскные в обморочном состоянии валяются подле трупа! Это было совсем уж ни к чему. Роман Григорьевич вовсе не желал, чтобы посторонним стало известно о его глупом промахе (и в последующий отчёт этот досадный эпизод включён не был).

Инспектор Белозёр притворно-горько вздохнул.

– Ах, ваша милость, мы бы и рады раньше прибыть, да донесли о происшествии поздно! И то сказать, ведь Управление-то ваше туточки недалече, за угол свернуть, а мы с городовыми от самого Вала добирались, поспешали!

Упомянутые городовые, всё это время стоявшие во фрунт, позволили себе согласно закивать.

– Ладно, – отмахнулся Ивенский, – заканчивайте тут. Зевак опросить подробно, может, кто чего знает. Тело свезти в покойницкую...

– Вашу, при Управлении? – уточнил Белозёр.

– Нам-то оно зачем? С ним же всё ясно, вскрывать нет нужды. Себе забирайте. Дом опечатать, приставить караул. О магическом имуществе позаботиться, как положено, чтоб не было потом вреда. Да! – он бросил на городских суровый взгляд. – Вещи все переписаны, хоть одна малость пропадёт – взыщу!

– Как можно-с, ваше высокоблагородие! – запричитали те, но быстрые их глаза так и шарили по комнате.

– И вы, любезный Пафнутий Сергиевич, будьте осторожны, старайтесь не прикасаться ни к чему, – видя такое дело, добавил пристав. – Здесь повсюду защитные чары удивительной силы. Только посмотрите, какой казус у нас приключился, когда отворяли шкаф! – он протянул Белозёру измочаленную палку. Инспектор осмотрел её с вялым интересом. Зато оба городских заметно побледнели.

А господа сыскные на том удалились прочь, забрав с собой сундучок покойного, над которым и просидели весь оставшийся день до позднего вечера, разбирая бумаги и составляя списки лиц, коих следовало допросить по делу. Только когда запас керосина в кабинете стал подходить к концу, и глаза начали слезиться от утомления, молодые люди вынуждены были не без сожаления прервать свои увлекательные изыскания, и, весьма довольные друг другом, разошлись по домам – Роман Григорьевич – в дорогой пансион на Басманской, Тит Ардалионович – в съёмную конурку на Старых Капищах; там он обретался с тех пор, как семейство его, не выдержав дороговизны послевоенной столичной жизни, перебралось в крошечное отцово имение под Китежем.

Место это – не славный град Китеж, конечно, а Капища – слыло дурным. В пору не столь отдалённую сюда со всего Москов-града свозили безродных покойников: бродяг, нищих да лихих людей, чей мятежный дух и по ту сторону жизненной черты не умел обрести успокоения. Время шло, столица ширилась, на месте старых могил вставали новые дома. Жилось в них беспокойно, зато дёшево. Коренные обитатели Капищ давно привыкли к бесплотным своим соседям, внимания на них не обращали, ну, разве что на улицу старались ночью лишний раз не выходить. (И то сказать, лихих людей – живых, не призрачных – на Капищах с годами меньше не стало, так что предосторожность вышеупомянутая, скорее всего, была вызвана именно этим, а не порождениями тонких сфер.) Бедный же Тит Ардалионович поначалу, будучи ещё совсем юным гимназистом, чуть с лестницы не падал всякий раз, когда перед его носом воплощалась призрачная фигура в бесстыдном декольте, принималась говорить скабрёзности и смущать. Потом тоже привык, пугаться перестал, и призрак отвязался, заскучав...

* * *

Предыдущий день начался для сыскаго пристава Ивенского чрезвычайно неудачно, новый же, выходной, оказался ещё хуже. Сначала от потолка, обнажив безобразную обрешётку, отвалился тяжёлый пласт штукатурки и рухнул точно на подушку. К счастью, буквально за секунду до этого Роман Григорьевич поднялся с постели и только поэтому остался жив.

Оставив Захара устранять последствия случившегося и наскоро перекусив, он направился на службу, не смотря на праздник. Слишком уж захватывающим казалось молодому человеку дело об убийстве колдуна, не хотелось терять времени, упускать горячий след.

Однако, до Управления он не добрался. Из расшатанной кладки старого флигеля вывалился кирпич и разбился о мостовую прямо перед носом Романа Григорьевича, каменная крошка брызнула по ногам.

«С ума сойти!» – сказал себе пристав, и гадая о том, надо расценивать оба утренних происшествия как удивительное невезение, или наоборот, редкую удачу, продолжил путь. И на ближайшем перекрёстке едва не попал под колёса извозчика – лошадь понесла! Чудо, что успел отпрыгнуть! Кое-как уняв нервную дрожь, охватившую тело, едва не ставшее прежде-

временно мёртвым, господин Ивенский пошёл дальше. Двигался он уже не так уверенно – наоборот, опасливо озирался. Только это его и спасло, когда навстречу из-за поворота выскочил огромный красномордый детина в окровавленном фартуке мясника, со здоровенным тесаком в руке. «Убью! Всех убью! – дико орал он, размахивая оружием. – Крысы! Крысы кругом! Не троньте!» Выпученные глаза его были совершенно дикими, изо рта летели хлопья пенистой слюны. Шагах в двадцати позади громыхали сапогами трое городских, истошно дули в свистки.

Увернувшись с пути безумца, Роман Григорьевич ловко поставил ему подножку. Массивное тело тяжело рухнуло на мостовую. Стражи порядка налетели, выбили нож, скрутили руки за спиной.

– Докладываю, ваше высокоблагородие! Мясник Субботин! Белая горячка! – тяжело отдуваясь, отчитался городской Евстратов, хорошо знакомый с Ивенским лично – доводилось встречаться по службе. И не сдержал восхищения. – Как вы его завалили-то лихо, ваше высокоблагородие, а! С виду из себя субтильные совсем, а с эдакой тушей управились!

Нельзя сказать, что подобный комплимент «его высокоблагородие» порадовал, скорее наоборот. Роман Григорьевич от природы был сложен хорошо, но прямо скажем, не богатырски – тонковат в кости и тощ. Ещё в его детстве отцов денщик Егор, заботам которого был вверен генеральский отпрыск, частенько говаривал с горечью: «Нашего молодого барина чем не потчуй – всё не в коня корм!» Должно быть, пагубно сказался голодный триста шестьдесят восьмой год,³ это после него Ивенского-младшего никак не удавалось откормить, как бедный Егор ни старался. Впрочем, сам Роман Григорьевич внешнею своей, по мнению всех знакомых дам, весьма недурной, был вполне доволен, и менять её в угоду отцовскому денщику не собирался. Но очень уж не понравилось ему определение, которым его наградил Евстратов. Ну, сказал бы «стройный» или, к примеру, «изящный» – было бы хорошо. А «субтильный» – это больше подходит для чахоточных, так ему казалось.

Странная череда опасных случайностей, внезапно на него обрушившихся, уже начинала не на шутку тревожить пристава. И когда вырвавшийся со двора молочницы бык едва не поддел его на рога – спасла тумба для театральных афиш – Роман Григорьевич решил, что с него достаточно, и жизнь надо менять в корне. От идеи посетить Управление он отказался, и отправился восвояси, взяв извозчика. Надо ли говорить, что пролётка перевернулась? К счастью, снова обошлось без жертв. Выбравшись из-под обломков, Ивенский пошёл домой, ни за что обругав очередного подоспевшего городского «болваном». Его пошатывало, из прокушенной губы и разбитого носа сочилась кровь. «Просто проклятие какое-то на меня свалилось, – думал он отрешённо. – К колдуну, что ли, сходить?»

– Ох, батюшки! Ваше высокоблагородие, да что же с вами опять стряслось? – по-бабы всплеснул руками Захар.

– Что значит «опять»? – рассердился Роман Григорьевич. – Разве прежде со мной что-то «стряслось»?

Но у денщика ответ был наготове.

– А как же, барин?! То вас злодей ножом пырнул – чуть не месяц замертво лежали, потом из леворьвера вас прострелили – снова думали, что померёте. А уж сколько раз костюм на вас попорчен был – и не сосчитаешь!

– Ах, не говори, пожалуйста, ерунды, – утомлённо велел Роман Григорьевич. – Тогда было совсем другое дело, нечего равнять... Ты вот что. Собирай-ка вещи и ступай за подводой. Мы переезжаем.

– Куда? – опешил Захар. В пансионе мещанина Прокофьева его высокоблагородие обреталось ещё со студенческих лет. Будучи пятнадцатилетним отроком, Роман Григорьевич возжаждал самостоятельности, не вняв уговорам любящего папеньки, сменили великолепный

³ 7368 г от сотворения мира.

особняк в Пекин-городе на три скромные (исключительно с точки зрения Захара, привыкшего к барским хоромам) съёмные комнаты с полным содержанием, и до сих пор казались вполне довольными новой жизнью. И вдруг – такая перемена!

– Возвращаемся к папеньке на Великую.

– Давно пора! Ведь я сколько раз говаривал: негоже вашему высокоблагородию в тутошней дыре обитать, не по чину! А уж папенька ваш, Григорий Романыч, как будут рады! – просиял Захар и опрометью, пока молодой барин не передумал, бросился собирать пожитки.

Роман Григорьевич был рад от него отделаться. Захар принадлежал к числу старых папенькиных слуг, и был, прямо скажем, распушен не в меру: место своё знал плохо, иной раз даже пререкаться себе позволял с господами, особенно с Ивенским-младшим, коего знал с рождения и, похоже, до сих пор едва ли не дитём неразумным почитал. Так вот, если бы денщик, по безобразной привычке совать нос не в своё дело, пристал бы к хозяину с расспросами о причине внезапного переезда, тот положительно не знал бы, что ему ответить. Просто не было никакой причины, взбрело в голову, и всё тут!

Кое-как приведши в порядок разбитое лицо и предоставив все заботы Захару, хоть и вредному, но достаточно толковому, чтобы справиться с ними самостоятельно, Роман Григорьевич, не дожидаясь окончания сборов, направился к отчому дому налегке. Настроение было подавленным, он не был уверен, что доберётся до места живым. Однако, обошлось без новых происшествий, не считая божьей птицы голубя, посадившего пятно ему на плечо. Но это, согласитесь, не кирпич на голову. Даже непонятно, отчего Роман Григорьевич ещё сильнее расстроился?

На тесовом, отнюдь не украшающем облик города заборе у дома купца Игнаткина сидели три коловерши – сами бурые, без рук, без ног, только голова и хвост. Умостились на столбах, вращали глупыми глазищами. В другой день Роман Григорьевич не стал бы обращать внимания на такую безделицу, но теперь подумал с раздражением: «Безобразие! Развели пакость, будто не в столице мы живём, а в глухой деревне! На нас Европа сморит, а у нас нежить средь бела дня заборы обсиживает!» Коловерши разом повернули головы, разъявили круглые пасти и дружно зашипели ему вслед, выметнув узкие языки. С чего вдруг? Обычно коловерши на людей не кидаются. «Сгинь!» – зло огрызнулся второй пристав, и те послушно сгнули: свалились со столбов, канули за забором. «То-то же!» – мстительно усмехнулся Ивенский-младший.

Отца он застал дома, в османском халате и с трубкой – по праздникам Григорий Романович, человек, в общем-то, весьма энергичный и деятельный, любил никуда не спешить. Ведь на то праздники и нужны, чтобы нарушалась привычное течение будничной жизни, иначе, какой в них смысл?

– Надолго ли нынче заглянул к нам, *сыне*? – на старинным манер приветствовал его отец, привыкший к мимолётным визитам любимого отпрыска.

– Навеки, папенька! – объявил Роман Григорьевич драматически. – Переселяюсь. Скоро должен явиться Захар с вещами.

Вместо того, чтобы возликовать, как предрекал упомянутый Захар, генерал от инфантерии Ивенский, слишком хорошо знавший своего единственного сына, не на шутку встревожился.

– Что-то случилось? Какая-то беда?

– Ах, ну что у нас может случиться? – не желая огорчать отца рассказом об утренних событиях, отмахнулся Роман Григорьевич. – Просто скучно стало, утомился немного, обстановку захотелось сменить. Вы ведь не откажетесь принять меня?

На глупый вопрос Григорий Романович отвечать не стал – просто пропустил мимо ушей. Его насторожило слово «утомился». Любимое чадо действительно выглядело не лучшим образом, имело слишком бледный вид – недавнее крушение ещё давало о себе знать...

– Неприятности на службе?

– Несущественные. Всё управление наше захворало: и надзиратели, и приставы поголовно. Одному за всех вчера работать пришлось, сидел допоздна, глаза устали.

Ивенский-старший взгляделся в лицо сына внимательнее, заметил под носом не до конца смытые следы подсохшей крови.

– Да ты сам здоров ли, милый мой?

– Здоров и весел, как двуглавый конь Македонского Бицефал!⁴ – заверил сын бодро. – Но знаешь, я теперь отправлюсь к себе, и обед мне пусть подадут в постель, – в боку неприятно кололо, и он начинал сомневаться, не сломал ли при падении ребро.

Весь оставшийся день он пролежал на старом своём старом сафьяновом диване со сборником путевых заметок о странах Передней Азии в руках. Но чтение отвлекало плохо. Тревога не давала покоя Роману Григорьевичу, он ждал беды и на чём свет бранил себя, зачем ему, превратившемуся в магнит для несчастий, пришлось в голову заявиться в родительский дом. Бежать надо было, скрыться подальше от людей, чтобы никто от близости к нему не пострадал... Но за окном выл ледяной бесснежный ноябрь, и бежать было некуда. Тем более, что ничего рокового больше не случилось, только у дивана подломилась задняя ножка, и прислуга, подавая обед, едва не обварила его высокоблагородие супом – Роман Григорьевич уже и расстраиваться не стал. Ему пришлось в голову: а нет ли таинственной связи между чередой его невезений и следственными действиями в доме убиенного мага? Почему-то эта мысль его успокоила, и он задремал.

Вот так бездарно провёл выходные господин второй сыскной пристав.

Для нового его помощника день сложился много удачнее. Пробудился Тит Ардалионович в прекрасном настроении. Воспоминания о первом дне службы приятно будоражили душу, то, что пугало вчера, сегодня представлялось чрезвычайно увлекательным. Правда, к удовольствию примешивалась досада на собственные нервные реакции, казавшиеся теперь совершенно неоправданными. Желая загладить мнимую вину, юный Удальцев решил пренебречь отдыхом и посвятить праздничный день службе. В блокноте его было выписано десятка три имён с адресами последних клиентов покойного, коих надлежало опросить по делу. Имена были самыми простыми, из мещан и мелких купцов. Роман Григорьевич решил, что с допросом лиц столь незначительных в состоянии справиться даже неопытный младший надзиратель. Только одно имя в этой череде стояло особняком: графиня Золина Е. К., адрес деликатно не указан.

– Можно подумать, это такой большой секрет! – отчего-то рассердился вчера Ивенский, да так, что даже бледные щёки порозовели. – Особняк на Моховской, тот, что с кариатидами и львами, знаете его?

– Так точно, ваше высокоблагородие, хорошо знаю, – подтвердил Удальцев, в который уже раз забыв, что Роман Григорьевич велел обращаться без чинов.

– Вот и прекрасно, – одобрил тот. – В понедельник поутру отправляйтесь на Моховскую, постарайтесь разузнать, что сможете. А моей ноги в том доме больше не будет никогда! – и, помолчав, добавил непонятно. – Я рассчитываю на вашу скромность.

Чем графиня Золина Е.К. так насолила господину второму приставу, для Удальцева осталось тайной, притом интригующей, поэтому понедельника он дожидаться не стал.

...У дверей особняка его встретил швейцар очень необычного вида: в невероятно старомодной ливрее с золотым шитьём – Тит Ардалионович даже не представлял, что такая древность где-то ещё может быть в ходу. Пожалуй, он смотрелся бы комично, когда бы не был так неприступен и мрачен.

⁴ В нашей реальности у коня Македонского была всего одна голова, и звался он Буцефал – Бычьеголовый.

– Младший надзиратель сыского управления Удальцев, по делу об убийении мага Понурова, желаю видеть графиню Золину, – с излишней суровостью в тоне отрекомендовался Удальцев, ему было очень неуютно под снисходительным взглядом важного слуги.

– Сысных не велено принимать, – надменно бросил швейцар.

– Ступай и доложи! – ледяным голосом, невольно копируя интонации нового начальника, приказал юный инспектор. – Дело государственной важности, отлагательства не терпит! – и, набравшись наглости, – да долго ли ты будешь меня на пороге держать? Не лето на дворе!

Швейцар нехотя пропустил визитёра в переднюю. Спустя минуту до него стали долетать обрывки фраз.

– ... из сыского? – едва ли не испуганный женский голос. – Ни в коем случае... дома нету... больны...

– ...совсем другой... государственной важности... убийство... – бас швейцара.

– Убийство? Ну, тогда проси... кабинет Михаила Борисовича...

Обстановка в кабинете хозяина дома, куда был препровождён Тит Ардалионович, удивляла своим аскетизмом. Право, даже холодная передняя в этом доме выглядела богаче, по крайней мере, в ней имелась большая фарфоровая ваза на кованой треноге, расписанная цветами и драконами. Прибежище же графа вовсе не имело никаких украшений, разве что старый ученический глобус с глубокой царапиной по нулевому меридиану, а ложе его было застелено клетчатым британским пледом такой скучно-серой расцветки, что Удальцев сначала принял его за солдатское одеяло.

Графиня Золина Елена Карповна оказалась женщиной лет тридцати семи – сорока, с лицом красивым, но глуповатым: слишком уж кукольными казались огромные голубые глаза, лет двадцать тому назад делавшие её, вероятно, совершенно неотразимой. Впрочем, и теперь многие продолжали восхищаться ею, ведь к счастью, есть на свете мужчины и старше осмнадцати лет.

Одета она была по-домашнему скромно, в жемчужно-серое платье свободного покроя, плечи прикрывала пушистая шаль. Вид у графини отчего-то был испуганный.

– Чем могу быть полезна следствию? – сухо осведомилась она.

Тит Ардалионович постарался не стусеваться.

– Для следствия представляет интерес, что связывает вас с магом Понуровым, найденным вчера зарезанным в собственном доме?

Большие глаза Золиной сделались огромными.

– Как?! Убит Понуров? Маг? Разве такое возможно?

– Отчего же нет? Все люди смертны, – наиграно-равнодушно пожал плечами Удальцев. – Ваше имя значилось в его старых записях, и на среду вам назначена была новая встреча. Не могли бы вы прояснить, какова была её цель?

– Молодой человек, вам не кажется, что это слишком деликатный и личный вопрос? – Елена Карповна отчего-то вспыхнула, как маков цвет, и Удальцев на миг вообразил, уж не любовной ли была эта связь? Хотя, вряд ли маг стал бы заносить имена тайных любовниц в клиентские списки.

Но графиня и сама поняла, что ответ её прозвучал двусмысленно, и отчего-то сочла нужным оправдаться перед мальчишкой-сыским.

– Хорошо, в интересах следствия я расскажу вам... но могу ли я рассчитывать на вашу скромность?

– Не сомневайтесь! – отчеканил Удальцев. Где-то он уже слышал похожую фразу?

– Видите ли, у меня есть дочь, совсем ещё юная девушка, – начала рассказ графиня. – А какая мать не желает дочери добра? Так вот, прежде мы жили в Северной Пальмире, но некоторое время назад перебрались в Москов-град, и тут моя Лизанька чрезвычайно увлеклась одним молодым человеком, весьма привлекательным внешне, и, безусловно, достойным

и порядочным по натуре... Но положение его нам с мужем показалось слишком скромным, ввели в заблуждение род его занятий и невысокая должность... Ах! – Елена Карповна не смогла подавить вздох сожаления. – Мы внушали дочери, что он ей не пара, но Лизанька и слушать ничего не желала, дело определённо шло к свадьбе. Тогда мы решили прибегнуть к услугам мага. Отворотное зелье, знаете ли, очень помогает в таких случаях. Лизанька наша Ро... молодого человека забыла совершенно – не узнавала в лицо, не желала видеть... Да. И буквально через неделю, от одного общего знакомого мы узнали об истинном положении вещей. Оказалось, отвергнутый нами юноша принадлежит к роду весьма известному, и средствами отнюдь не обделён... Во всех отношениях блестящий молодой человек, и с большим будущим... Разумеется, нам захотелось исправить ошибку, и мы вновь обратились к Аскольду Аскольдовичу за помощью, он назначил нам приём на среду... Но теперь... – она беспомощно вскинула на Удальцева девственно-голубые глупые глаза, – раз Аскольд Аскольдович мёртв, наверное, уже ничего нельзя изменить?

– Наверное, нельзя, – согласился инспектор мстительно. Он обладал богатым воображением, и очень живо представил себе, что должен был чувствовать бедный «молодой человек», когда невеста внезапно перестала узнавать его в лицо.

– Ах, как же несправедливо устроен наш мир! – выдала графиня, заставив Удальцева поперхнуться: ей ли пристало рассуждать о справедливости? Уж чья бы корова мычала, как говорят в народе. – Как бы мы с супругом хотели повернуть всё вспять! А как была бы счастлива Лизанька, если... – тут дама всхлипнула в кружевной платочек.

– Это всё? – прокашлявшись, уточнил Тит Ардалионович, стараясь, чтобы голос звучал ещё строже. – Больше вы ничего не имеете сказать по данному делу? Как долго и как хорошо вы знали покойного, обращались ли к нему прежде, или этот... гм... эпизод был единственным? Имеете ли общих знакомых? Не слышали ли сторонних разговоров о нём, не было ли у него врагов?

Увы-увы, ничего существенного Елена Карповна поведать не смогла. Понурова ей рекомендовала подруга, Аглая Дементьевна Ярская-Кносс, которой тот очень удачно помог разыскать сбежавшую левретку. Ничего больше графиня о нем не знала.

– Что ж, честь имею кланяться, – поднялся с кресла Удальцев... и замер на месте.

Чудесное видение возникло на пороге кабинета. И надо вам сказать, что глаза у видения были огромными и небесно голубыми, точь-в-точь как у маменьки, однако сражённому в самое сердце Титу Ардалионовичу они отчего-то вовсе не показались глупыми. Видение же мелькнуло, и исчезло.

– Рекомендую, моя дочь Лизанька, – запоздало представила графиня. – Бедняжка сделалась такой нервной с... с того дня... А вы, юноша, ведь в Сыском отделении служите? Скажите, не известно ли вам имя некоего Ивенского?

– Известно, как же, – подтвердил Удальцев жестоко. – Роман Григорьевич – мой непосредственный начальник. Право, замечательный человек, каких поискать! А что, вам он тоже знаком?

Такой вот разговор состоялся у них. И всю дорогу до Кузнецкого, где проживал следующий свидетель, Удальцев гадал, как ему теперь поступить. С одной стороны, он сам заверил графиню, что будет молчать. Елена Карповна, конечно, дура, иначе не назовёшь, но это, к сожалению, не освобождает его от уже данного обещания. С другой стороны, зачем бы ей так откровенничать с человеком незнакомым и совершенно для неё незначительным, если бы она не рассчитывала, что тот передаст слова сожаления отвергнутому жениху? А он вот возьмёт, и не передаст! Назло!.. Да. И окончательно разрушит счастье Романа Григорьевича. Несомненно, тот сразу догадался о причине странного поведения своей невесты, как только увидел имя её матери в списке клиентов убиенного Понурова, понял, отчего и по чьей воле она так переменилась к нему. Но может быть, не всё ещё потеряно? Ведь бедная девушка ни в чём не вино-

вата, её просто околдовали против воли! Роман Григорьевич не должен её строго судить... Да. Определёно, он передаст ему этот разговор. В конце концов, это его служебная обязанность – докладывать начальству всё... ну, или почти всё. О «скромном положении и невысокой должности» можно будет не упоминать, как-нибудь обойти. Остальное же надо передать, а там уж пусть сам решает, как ему быть.

Приняв это решение, разволнованный юноша отчасти успокоился. Почему только отчасти? Да потому что не шло из головы чудесное видение, возникшее на пороге графского кабинета, как ни гнал он мысли о нём, сколько ни твердил себе с горечью: уж если такой блестящий молодой человек, как пристав Ивенский, пришёлся Золиным не ко двору, на что надеяться простому сыскному инспектору, чиновнику четырнадцатого класса? Графиня, конечно, большая дура, но в одном она права: несправедливо устроен этот мир!

Чтобы забыться, отвлечься от нахлынувшей душевной тоски, Удалыцев до самого вечера опрашивал свидетелей из списка, сначала ходил по адресам пешком, из экономии, потом так утомился, что нанял извозчика, и потратил на него последний рубль, в надежде, что назавтра ему возместят расход из кассы. За день он успел опросить множество народу, были среди них чиновники, подрядчики, купцы богатые и средней руки, и жёны их. Были портные и белошвейки, учителя из гимназии, воспитатели из приюта, две актрисы из театра и один музыкант. Каждый шёл к магу Понурову со своей печалью, но всех объединяло одно: о частной жизни его не было известно никому... Или кто-то не пожелал сказать правду?

Утром понедельника Ивенский с Удалыцевым столкнулись нос к носу у дверей: Роман Григорьевич снова явился на службу раньше обычного, на этот раз потому, что до места его доставил отцовский крытый экипаж. При этом лошадь умудрилась не понести, карета ни разу не перевернулась, и даже колесо отскакивать не стало. Тяжёлые предметы на голову тоже больше не падали, из чего Роман Григорьевич заключил, что чёрная полоса осталась позади, и воспрянул духом. На подступах к дверям управления было безлюдно до умиления. Ещё с вечера субботы господин второй пристав предупредил, что приёма не будет, и велел гнать от ворот всех – и жалобщиков, и доносчиков. Дежурному так понравилось это занятие, что он и их благородиям отворил не сразу, сначала орал из-за двери «пошли прочь!», а отворив, долго и униженно извинялся, что «через штатскую одежду не сразу признал» – по случаю следственных действий Роман Григорьевич был одет в партикулярное: короткое пальто, новомодный пиджак и тёмно-серые брюки. Костюм сидел на нём достаточно изящно, но чем-то неуловимо напоминал армейский мундир. Или дело было не в самом костюме, а в выправке его обладателя?

Зайдя в свой кабинет, Роман Григорьевич, вместо того, чтобы занять место за столом, уселся на край столешницы и принялся качать ногой, немного шокировав своего подчинённого.

– Ну-с, на чём мы с вами остановились, Удалыцев... вы ведь не будете в обиде, если я стану звать вас по фамилии? Имя ваше, Тит Ардалионович, очень красиво, но согласитесь, немного длинновато для служебных разговоров.

Юноша от души согласился. Имя своё он терпеть не мог, точнее, его первую, короткую часть. Вот отцово имя Удалыцеву-младшему нравилось, как ни произноси: можно раскатисто: Ар-р-р-далион, можно коротко и лихо: Ардальон. Так и так хорошо звучит. А своё – не нравилось категорически. Угораздило же маменьку измыслить этого «Титушку»! Ладно, звали бы Титом кого-то из славных предков – не так обидно было бы пострадать за родовую честь! Но нет! В романе вычитала и нарекла первенца! А его, бедного, аж передёргивало всего, когда младшие дети бегали по дому и звали брата: «Титя, Титя! Где Титя?» Пуще огня боялся он, что эту «титю» однажды услышит кто-то из товарищей по гимназии – тогда хоть руки на себя накладывай. Ничего, обошлось, но неприятный осадок остался на всю жизнь.

– Итак, мы составили списки свидетелей. Поедем по адресам, начнём опрашивать?

– А ведь я, Роман Григорьевич, по двадцати трём адресам успел вчера! – не без гордости доложил инспектор.

– Неужели? Какой же вы молодец! – похвалил пристав от души, но вдруг помрачнел и напрягся. – Скажите. У Золиных вы тоже побывали?

– Побывал, – подтвердил Удальцев потупившись. Трудный момент наступил.

– И каким же вышел ваш разговор? – Роман Григорьевич старался казаться равнодушным – качал ногой, смотрел в окно – но лицо его заметно побледнело, выдавая волнение.

Тщательно подбирая слова, и делая вид, будто он сам даже не догадывается, о ком идёт речь, Удальцев изложил начальнику суть вчерашней истории. Тот слушал не перебивая, чуть не до крови кусал губу. Потом, помолчав, уточнил.

– Итак, речь шла об отворотном зелье... Скажите, а о сглазе, или там, порче упоминаний не было?

– Ни единого! – заверил инспектор с излишней в его положении «несведущего» горячностью. Ивенский коротко взглянул на него, чуть улыбнулся и пробормотал, обращаясь скорее к самому себе, нежели к собеседнику.

– Понятно. Значит всё дело в шкафу... Скажите, Удальцев. С вами вчера ничего необычного и, скажем так, неприятного не происходило?

– Никак нет, ваше высокоблагородие! – от удивления тот снова перешёл на уставное обращение. – Простите, насчёт шкафа я не совсем...

Но Ивенский ничего объяснять не стал, отмахнулся:

– Ах, это неважно! Возьмите побольше чернил, пора за работу. Сегодня мы с вами будем разъезжать по городу как цари. У моего папеньки лучшие лошади во всей столице, а карета трофейная, прежде принадлежала османскому паше. Ход чудесный – такой кареты и у великих князей нет! Только прежде заедем к вам, переоденетесь – напрасно вы сегодня по форме. Проживаете где?

– На Капищах, – покраснел Удальцев. Ивенский и глазом не моргнул:

– Заедем на Капища.

«Работа» шла медленно, на каждый «адрес» уходило едва не по часу. А всё потому, что объезжали они самые известные и богатые дома из списка. И в каждом из них Романа Григорьевича приветствовали как старого знакомого. Начинались бесконечные вежливые расспросы о здоровье присутствующих и третьих лиц, упрёки, что редко бывает в свете, обмен любезностями, и пока-а доходило до сути, бедный Тит Ардалионович успевал прокиснуть со скуки. Уж ничто не радовало его: ни красота и роскошь окружающей обстановки, ни то, что Роман Григорьевич представлял его, как равного, хозяевам таких домов, куда простого чиновника четырнадцатого класса иначе и на порог не пустили бы... Одного ему хотелось – лечь где-нибудь в уголке на коврик и заснуть.

Очевидно, сам Роман Григорьевич его настроение разделял, потому что настал счастливый момент, когда тот объявил.

– Всё! Сил моих больше нет! Если меня ещё раз спросят о здоровье тётушки Аграфены Романовны, или отчего я пропустил бал у Меркалиных, я просто застрелюсь из служебного револьвера! Не знаю, как вы это выносите, Удальцев, а с меня «высшего света» на сегодня довольно, я к нему не привык.

Ах, как же Удальцев был благодарен ему за такие слова!

А пристав продолжал:

– К тому же, пользы от наших визитов – чуть. Мы лишь убедились, что покойный подвизался на поприще любовной магии, спиритизма и розыска пропавших вещей. Дело от этого яснее не стало. Давайте-ка зайдём с другой стороны: отправимся в Оккультное Собрание, воз-

можно, там мы сможем узнать больше... если только господа маги с нами захотят разговаривать.

Захотели, надо же! В тот день Удальцев первый раз задался вопросом: отчего так получается? Всего-то пять лет разделяет их с Романом Григорьевичем. Для сверстников это много, но для людей пожилых – ничто, оба – юнцы. При этом он, Тит, прикладывает большие усилия, чтобы выглядеть старше и значительнее, Роман Григорьевич же для этого ровным счётом ничего не предпринимает. Он носит бакенбарды – Ивенский бреет до самых висков, он пытается отпустить усы (правда, вырастает ерунда какая-то) – Ивенский не пытается (интересно, что бы у него выросло?),⁵ он старается ходить степенно и чинно – его высокоблагородие на бульваре, поленившись обойти кругом, перелезли через кованую ограду, попавшуюся на пути. Посмотрели, правда, нет ли знакомых поблизости, и то как-то небрежно – и перемахнули по-мальчишески, а бедному подчинённому пришлось лезть следом – не отставать же от начальства? Он старается говорить скупой и глубокомысленно – Роман Григорьевич хоть и не особенно разговорчив, но в выражениях не стесняется, что думает, то и выкладывает прямо. Но вот что удивительно. Все окружающие, от людей в больших чинах до простых швейцаров или дворников смотрят на него, Тита Ардалионовича, как на мальчишку. А на Романа Григорьевича попробовали бы они неуважительно взглянуть! Он сам умеет так посмотреть своими холодными серыми глазами, что любой становится во фрунт, берёт под козырёк, и «рад стараться»! Как он это делает? Сначала Тит думал, дело в чинах: четырнадцатый класс и седьмой – большая разница. Но нет: если оба в партикулярном – на лбу у них не написано, кто в каком чине, и представлялся Ивенский часто только по имени, без регалий. Но к нему окружающие относились с большим почтением. На Удальцева не хотели смотреть. Должно быть, Роман Григорьевич обладает особым магнетизмом, умеет скрыто влиять на людей, решил Тит Ардалионович, и ещё больше зауважал нового начальника.

Но вернёмся в Оккультное Собрание.

Размещалось оно в Земляном городе, в Сухаревой башне, где в петровские времена практиковал прославленный Иоахим Брюс, выращивал своих безобразных гомункулусов, что и по сей день живут на цепи в подвалах кунсткамеры. Но теперь от лаборатории его и следа не осталось, здание было полностью перестроено изнутри. Тайными изысканиями современные маги занимались в академических стенах или в домашних кабинетах, Собрание было для них присутственным местом, не более того. О том, что помещение занимают не обычные люди, но маги, говорили лишь картины на стенах. На них были запечатлены портреты выдающихся магов и колдунов прошлого, интерьеры знаменитых лабораторий (Иоахима Брюса в том числе – посреди тёмного сводчатого зала стоит огромный стеклянный куб, а в нём извивается что-то гадкое, отдалённо напоминающее человечка-карлика), исторические моменты проявления чар. Вот Вещий Олег посуху как по морю ведёт корабли на Царьград, вот тает лёд на вскипевшем Чудском озере, вот скачут колдуны-охотники Малюты Скуратова, приторочив к седлам оборотневы головы, и метла у каждого: сел – полетел... Интересные картины, есть на что посмотреть.

... Кнупперс Стефан Теодорович, ответственный секретарь Оккультного собрания. С кем имею честь, и чем могу быть полезен, господа? – скучный, скрипучий голос, раздавшийся за спиной, заставил Тита Ардалионовича отвлечься от созерцания живописных полотен.

Это было неопределённого возраста маленькое, сухонькое существо, больше похожее на безбородого альпийского гнома, чем на русского человека. Одето было в приличествующую магическому сословию мантию мышинного цвета, розовую лысинку его прикрывала профессорская шапочка европейского образца, кисточка болталась перед носом. На пальце правой

⁵ В нашей реальности чиновникам в середине XIX в. носить усы возбранялось, а в описываемой – ничего, считалось допустимым.

руки красовался примечательный перстень червонного золота, в виде дракона, свернувшегося кольцом и уцепившего зубами собственный хвост («Обратили внимание, господа? Да, он того заслуживает. Вещица уникальная, принадлежала некогда самому Иоахиму Брюсу, учителю моему. Второй такой нет во всём свете!») Взгляд у существа был цепкий и злой, а глаза – жёлтые, как у ночного зверя. «Видно, колдун сильнейший» – подумал Удальцев с уважением.

Представились. Изложили цель визита.

– Так значит, вас, господа, интересует персона покойного Аскольда Аскольдовича? Что же я могу вам рассказать? – Стефан Теодорович в задумчивости пожевал тонкими губами. – Разве, то, что господин Понуров был магом не из последних, далеко-о не из последних. В ученичестве он подавал большие, не побоюсь этого слова, огро-омные надежды... – господин Кнупперс имел привычку повторяться и неприятно растягивать слова. – Верите ли, он даже освоил азы левитации, а ведь эта наука, как правило, даётся лишь азиатам... Хотя, в каком русском не найдётся частицы татарина, верно?...

– Разве татары способны левитировать? – по-детски удивившись, перебил Удальцев. – Никогда о том не слышал!

– Юноша, – снисходительно возразил маг, – ведь я не о хазангских или, там, крымских, а об ордынских татарах толкую... Так о чём, бишь мы? – он потерял нить рассуждения.

– О том, что господин Понуров подавал надежды, – терпеливо напомнил Ивенский.

– Подавал, да, подава-ал. Думаю, Понуров мог бы сделаться первым, перве-ейшим магом в стране, ограничься он академической деятельностью. Но нет! Он завёл частную практику и стал расточать талант по мелочам, выступать в роли ярмарочного колдуна: отворот-приворот, порча-сглаз, гаданье на кофейной гуще... – голос Кнупперса сделался раздражённым. – Прибыльно, спору нет. Но разве всё этом мире измеряется деньгами?

– Нет, не всё! – поспешил ответить испуганный Тит Ардалионович, ему показалось, что сердитый вопрос был адресован именно ему.

Собеседник удовлетворённо кивнул.

– Вот именно! Не всё! Есть вещи поважнее презренного металла! Жаль, не все это понимают, не все-е! А зря! Это не доводит их до добра, и Аскольд Аскольдович тому живейший... или правильнее сказать, *мертвейший* пример? – тут он хихикнул, да так злорадно, что мороз по коже.

– У господина Понурова были враги? Я имею в виду, не из числа клиентуры, а из магического сословия, – уточнил Ивенский. – Соперники, может быть?

– Враги? Соперники? – маг на минуту задумался, будто что-то припоминая. – Думаю, нет, до последнего времени. В нашем магическом сообществе его давно перестали воспринимать всерьёз. Он слишком расходовал себя, разыскивая сбежавших собачек и отваживая неугодных женихов, – при этих его словах оба слушателя невольно вздрогнули. – Звучит парадоксально, но сил на эти пустяки уходит не меньше, чем на гм... неважно. Нет, Понурова у нас давно, давнее-е-енько списали со счетов... А напрасно! – жёлтые глаза хищно блеснули. – Как оказалось, тактика его имела свои преимущества. В результате своей, с позволения сказать, *деятельности*, Аскольд Аскольдыч *сделался*, простите за каламбур, большим любимцем светских дам. А у дам, как известно, частенько бывают мужья. Теперь вы понимаете? – он обвёл слушателей торжествующим взглядом.

– Нет! – признался Ивенский честно.

– *Заказ!* – Кнупперс назидательно поднял кверху сухонький пальчик. – Государственной, я бы даже сказал *стратегической* важности заказ! Большие миллионы на кону! И кому он достался, как вы думаете?

– Понурову? – выдохнул Удальцев, не сдержавшись.

– Именно, и-мен-но ему! Наверняка, не без протекции одной из этих салонных куриц с их левретками и побрякушками! – теперь в голосе мага звучала откровенная ненависть.

– А что за заказ, вы не могли бы уточнить? – спросил пристав тихо.

Кнупперс сокрушённо развёл руками, от его злобы, кажется, не осталось и следа.

– Увы, милый юноша. Моя должность подразумевает некоторые ограничения в распространении сведений официального характера. На вашем месте я обратился бы за разъяснениями в Министерство путей сообщения.⁶

– Хорошо, – кивнул Роман Григорьевич. – Тогда не подскажите ли, теперь, когда Понуров мёртв, кому будет передан заказ? Кто больше остальных может рассчитывать его получить?

Стефан Теодорович отчего-то улыбнулся мягко, будто вопрос его умилил.

– Что ж, это ни для кого не секрет. Основных претендентов трое: предводитель нашего общества, гроссмейстер Раздымов, профессор Дронницкий, и ваш покорный слуга! Каждому из нас Аскольда Аскольдыч оказал большую, огро-омную услугу, скончавшись. Желаете арестовать всех сразу, или начнёте с меня?

– Ну, что вы, любезнейший Стефан Теодорович! – Ивенский растянул губы в притворной улыбке, она нелегко ему далась. – Что-то подсказывает мне: даже если бы подобная идея по юношескому недомыслию вдруг пришла бы нам в голову, мы вряд ли смогли бы её осуществить.

Маг улыбнулся в ответ, и если бы на дворе было лето, то все столичные мухи непременно передохли бы от этой его улыбки.

– Вы чрезвычайно проницательный молодой человек, милейший Роман Григорьевич! Чрезвычайно проницательный. Что, впрочем, не уберегло вас... гм... неважно. Итак, разрешите откланяться, дела, дела... – он поднялся с банкетки, давая понять, что разговор завершён, и присутствие гостей боле нежелательно.

– Ах, какой же неприятный субъект этот господин Кнупперс! – от души выпалил Тит Ардалионович, полной грудью вдыхая пыльный морозный воздух. Так жарко было натоплено в Собрании, что ему едва дурно не сделалось к концу визита. Или это общество злого мага так нехорошо на него повлияло? Хотел достать платок, обернуть лицо – не нашёл в кармане, обронил, что ли?

– Ужасный тип! – согласился Роман Григорьевич. – Смотрит так, что мороз по коже! Кажется, вот-вот превратишься в жабу или другого какого гада... Как думаете, Удальцев, я правильно поступил, что не стал расспрашивать его о пропавшем предмете? Сначала собирался, но потом как-то раздумал...

– Несомненно! Ведь он попадает в число подозреваемых, – ответил Тит Ардалионович, зардевшись аки красна девица – вопрос начальника польстил ему чрезвычайно. – Но что же мы станем делать теперь? Отправимся в Министерство путей сообщения? – Роман Григорьевич Ивенский, второй сыскной пристав Управления полиции, уже мнилсЯ ему человеком едва ли не всесильным.

– Нет! – рассмеялся тот в ответ. – В министерстве с нами точно не станут разговаривать, потребуют сделать официальный запрос, долгие месяцы уйдут на служебную переписку. Поступим иначе. Скажите, Удальцев, вы в состоянии вытерпеть ещё одну беседу о здоровье моей любимой тётушки, Аграфены Романовны?

Поутру Удальцев непременно отметил бы для себя красоту, богатство и особую элегантность этого серого дома с модным курдонером⁷ на углу Большой и Нижней Пресни, но теперь он устал, и ему было всё равно. Роман Григорьевич дорогой тоже выглядел утомлённым, сидел, полуприкрыв в глаза, болезненно морщился на кочках и ухабах – как ни мягок был ход трофей-

⁶ В нашей реальности этот орган был создан в 1865 г, в описываемой – примерно в тоже время.

⁷ Парадный двор перед домом, ограниченный главным корпусом и боковыми флигелями.

ной кареты, Россия есть Россия, езды без тряски не бывает. Путь показался долгим, даже кучер Фрол возроптал по старой памяти о тех временах, когда «молодой барин были ещё дитём».

– Роман Григорьевич, милостивец! Ну, нешто так можно – почитай, весь день по городу разъезжаем-кружим без отдыха! На вас уж лица нет! Папенька ваш забранит меня, скажет, укатал! Что ему отвечать прикажете?

– Ответишь, по делу государственной важности катал, – рассмеялся Йвенский добродушно. – Да не печалься, это последний адрес.

...Хозяин элегантного дома принял поздних гостей не просто любезно, а с сердечным радушием, и о здоровье тётушки выспрашивал особенно долго. Оно и не удивительно. В свои тридцать шесть лет Аграфена Романовна, во-первых, сохранила всю красоту юности, во-вторых, некоторое время назад очень удачно (с точки зрения заинтересованных лиц) овдовела. На днях она как раз сняла траур, и с удивлением обнаружила, что вновь превратилась в желанную невесту, каковой последний раз чувствовала себя лет двадцать тому назад, прежде чем была выдана замуж за князя Петра Ивановича Блохинского, человека богатого чрезвычайно, но уже очень пожилого и скучного. Грешно признаваться, но она не слишком горько оплакивала его уход... Но вернёмся к хозяину дома, Модесту Владимировичу Алексееву, товарищу министра путей сообщения.⁸ Уж он-то князя Блохинского не оплакивал вовсе, напротив, сплясать был готов на его могиле, потому что двадцать лет назад, будучи простым чиновником, полюбил юную красавицу Аграфену так, что никого другого не желал видеть подле себя все эти годы, так и жил холостяком. И вот теперь у него вновь появилась надежда на счастье, притом куда менее призрачная, нежели раньше. Ведь за двадцать лет и он сам многого в жизни достиг, и Аграфена Романовна сделалась женщиной самостоятельной, теперь уж никто не мог навязать ей чужую волю. В том, какова будет собственная воля Аграфены Романовны, он почти не сомневался, ведь она и прежде отвечала ему взаимностью. А потому на заехавшего с визитом Романа Григорьевича смотрел уже как на племянника. Чем тот и не преминул воспользоваться.

...– А что, Модест Владимирович, – услышал вдруг Удальцев, первую часть беседы добросовестно пропустивший мимо ушей, – дошло до меня известие о неприятном инциденте, касающемся секретного прожекта вашего ведомства...

– Ка-ак? Уже?! – неприятно поразился Алексеев. – Быстро, однако же, расходятся слухи по Москов-граду! Хотя, что это я? – он рассмеялся с облегчением. – Совсем запамятовал, по какому ведомству проходите вы! Признаться, вы здорово удивили нас всех, когда пошли на полицейскую службу!..

...Да, он всех их тогда удивил, включая родного отца. В году триста семидесятом от сотворения мира победоносно кончилась война с британско-франко-турецкой коалицией. Вернувшись с полей сражений, Роман Григорьевич ещё успел отучиться два года в пажеском корпусе, и вышел оттуда шестнадцатилетним офицером. Ждала его блестящая военная карьера, но он вдруг объявил отцу, что желает поступать в университет по юридической линии. Не то чтобы Григорий Романович такое решение одобрял, но и возражать не осмелился, зная непреклонный характер любимого сына. Три года тот отучился успешно, потом надоело. «Негоже бросать начатое дело, не доведши его до конца», – осудил папенька, ну, Роман Григорьевич взял да и сдал за последние курсы экстерном. А потом сообщил бедному папеньке, чем именно намерен заниматься дальше. Тот, разумеется, в ужас пришёл.

– Милый мой, разве ты дурак или инвалид, чтобы подвизаться в полиции?! Подумай, какое будущее уготовано тебе в армии!

Но милый его Ромочка только поморщился от досады:

– Ах, папенька, вот оттого и нет у нас порядка в стране, что служат в полиции одни лишь дураки да инвалиды! И разве я виноват, что мне всё скучно? Какой прок мне от вашей армии,

⁸ Так называлась должность, более всего соответствующая современному «заместителю».

когда войны теперь нет, и новая, видно, не скоро приключится? На Кавказе и то необычайное затишье... Зато уж разбойники у нас долго не переведутся, достанет, чем себя развлечь.

Что ж, пришлось генералу Ивенскому со странным выбором сына смириться. Но дело его он долго не желал воспринимать всерьёз. Для генерала жизнью была армия, всё остальное он считал баловством. Только когда при облове на страшную разбойничью шайку Чудина Белоглазого (на самом деле, никакой он был не чудин, обыкновенный чухонец, только очень злой), бесчинствовавшего в столичных предместьях, сынок его получил такой удар ножом меж рёбер, что три недели провёл между жизнью и смертью, папенька проникся большим уважением к его нелёгкой службе. Всё-таки был он боевой офицер, и цену пролитой крови знал. Знал и то, как трудно бывает порой человеку, привычному к войне, научиться жить в мирное время. Он умел понять сына, и перестал его осуждать. Однако, для всех прочих из круга его знакомых, поступок Романа Григорьевича был странным и ничем не объясним. Что ж, он давно привык к удивлённым взглядам и шёпоту за спиной...

– Ах, Модест Владимирович, такой уж у меня случился каприз! Но вы ведь расскажете нам подробнее о вашем проекте? Это так впечатляюще...

– Правда?! – простодушно просиял Алексеев. – Начало вышло не совсем удачным: эта нелепая трагедия с магом... Но замысел сам по себе грандиозен, не так ли? Портал Москов-град – Северная Пальмира!⁹ – он широко развёл руками, будто собирался прямо сейчас, в собственной гостиной упомянутый портал разверзнуть.

– Портал! – эхом откликнулся Удальцев, вновь не сдержавшись.

– Именно! Это вам не в коляске по ухабам трястись (тут Роман Григорьевич едва сдержал улыбку: невысокое же мнение имеет товарищ министра о вверенных ему путях сообщения!), не ночь в душном вагоне! Это шаг – и вы уже за сотни вёрст! Не дольше нескольких минут станет занимать путешествие из столицы в столицу! – он обвёл слушателей взглядом, явно ожидая восторгов.

– Потрясающе! – вполне искренне, как показалось Удальцеву, вскричал Роман Григорьевич. – Воистину, строительство это станет событием века! Какой масштаб, какие возможности открываются... Но скажите, Модест Владимирович, разве покойный Понуров – та фигура, которой под силу было бы обслуживать столь сложную и затратную магическую систему? Я слышал о нём не самые лестные отзывы...

Алексеев в ответ небрежно взмахнул рукой перед носом, будто сгоняя надоедливую муху.

– Ах, да кто его разберёт, этого Понурова! Нам его рекомендовали как человека опытного, чья-то супруга, кажется, рекомендовала... Да. А каков он на деле, узнать не довелось, скончался, сами знаете. Ну, это не беда, мало ли чародеев на Руси. Не стала бы кончина его дурным предзнаменованием – вот что меня тревожит.

Не станет, великодушно заверил Ивенский будущего дядюшку. Ведь контракт с ним ещё не был подписан, верно? Ну, значит, он – лицо постороннее, и знаменiem служить никак не может, мир его праху... На том скоро и распрощались.

В карете Тит Ардалионович смог, наконец, дать волю чувствам.

– Невероятно! – восхищался он. – Портал из столицу в столицу! Шаг – и вы на месте! Неужели такое возможно? Право, в удивительное время мы живём! Каких *грандиозных*... – ему очень понравилось это слово – ...высот достигла современная магическая наука! Не случайно наш век принято называть просвещённым!

Ивенский слушал юного подчинённого не перебивая, но поглядывал на него с грустной снисходительностью – так взирают на наивных отроков прожившие жизнь старцы.

⁹ В нашей реальности, в отличие от описываемой, называть города именами исторических деятелей никогда не считалось дурным знаком. Может быть, напрасно?

– Ах, полноте вам, Тит Ардалионович, – разговор был не служебный, краткости не требовал, – какой там пресвященный век! Так, пробиваются кое-где ростки прогресса – у нас в столицах, ну, может быть ещё в Хазанге, в Варшаве и Харькове... А вокруг что? Лес дремучий, да с такой злой нежитью, что в Европе ещё до Наполеона повывелась. Только что змеи не летают, города не жгут! А люди каковы! В провинции народ тёмный, в деревнях – и того хуже, не то что грамоты не знает – не умеет разобрать, что на картине нарисовано. Знаете, один папенькин приятель – большой лошажник. Вот раз заказал он живописцу полотно с изображением лучшего своего жеребца. И такой удачной вышла картина, что на радостях показал он её своему конюху, в жеребце том души не чаявшему. Конюх смотрел, смотрел, так и сяк вертел, и на оборот заглядывал, а потом вдруг и говорит «Ах, барин, сколь же искусно ваша маменька, Анна Леопольдовна, намалёвана!»¹⁰ Удивлены? То-то! А вы говорите, просвещённый век!

– Неужто правда? – раздался вдруг голос с козел. – Неужто не отличил болван барыни своей от жеребца? Вот какая оказия!.. Роман Григорьевич, а вы папеньке сказали бы! Ведь наша Шалая – тоже животиная не из последних, сколько премий брала, и ишшо возьмёт, ей-ей. Раз заведено теперича с коней патреты делать, где бы и нам живописца пригласить, а? Уж я, будьте покойны, Шалую ни с кем не спутаю: ни с Григорьем Романычем, ни с вами, барин, ни даже с сударыней нашей Аграфеной Романовной, как в гости прибудет! Не сомневайтесь!

– Хорошо, Фрол, я непременно передам папеньке, – с убийственной серьёзностью обещал Ивенский кучеру.

А Тита Ардалионовича вдруг увлекла тема нежити, да так, что и будущим порталом восторгаться позабыл.

– А что, ваше... Роман Григорьевич, разве в Европе совсем её не осталось?

– Кого? – не понял тот.

– Нежити лесной?

– Это смотря где, – на этот раз Ивенский, истины ради, не стал обобщать. – Лесов у них мало стало. А где растут – там и нежить водится, конечно. Но всё же не столько, сколько у нас, и в города он не лезет... Вчера, представьте, видел в Пекин-городе коловерш! Сразу три сидели на заборе, шипели!

– А чей дом? – полюбопытствовал Удальцев.

– Игнаткина, купца.

– Выходит, купец тот нечист на руку, несправедно дела ведёт! – радостно объявил младший надзиратель. – Нянька моя – сама родом с реки Непрядвы, и мать её знахаркой была – рассказывала: у честного человека коловерши никогда не заведутся, только у вора! Ну, или у колдуна ещё. Раз Игнаткин не колдун, значит обязательно вор!

– Напомните завтра, чтобы приказал проверить его, – велел Роман Григорьевич. – Кто бы мог подумать, что и от нежити может быть польза!

...Дорога была длинной, тема увлекательной, и скоро узнал Тит Ардалионович, что и в Европе хватает своей напасти, а главное, оттуда она к нам идёт. Те же оборотни, к примеру – ведь не было их прежде. Водился в иной деревне колдун-перевёртыш – совсем другое дело. Никого он не грыз, в свою породу не обращал, так, озоровал понемногу, но управа на него всегда была. А волки-оборотни явились из земель германских и расплодились в северных губерниях. И на юге положение не лучше: стонет от упырей-кровопийц Бессарабия, а это ведь трансильванская зараза, не наша. А уж за Уралом что творится! Но тут на других грешить не приходится, всё, что ни уводится – своё, посконное...

¹⁰ Этот эпизод – не вымысел автора. В нашей реальности имели место похожие случаи, они описаны в мемуарной литературе.

Так за разговором не заметил Тит Ардалионович, как подъехали к кремовому особняку в три этажа, поздней постройки – с окнами красивыми и такими широкими, что любой змей не только лапу – целую голову просунет; хорошо, что они на Москве перевелись.

– Ну, что же вы, Удальцев? Идёмте? – позвал Роман Григорьевич.

– Куда, ваше высокоблагородие? – не понял тот. Вроде бы, не собирались больше по адресам...

– Как?! – Роман Григорьевич удачно изобразил удивление. – Разве вы сегодня не у нас ужинаете?

– Я? У вас?!

– Вот именно! Не сомневайтесь, у нас очень хороший повар, из пленных французов, уроженец самой Лютении. Отец платит ему жалование, как наёмному слуге, и тот из благодарности готовит так, что ума можно лишиться. Вам непременно понравится!

– Да я не... Как-то неловко... – запаниковал Удальцев, никогда прежде у генералов не ужинавший. Но начальство уже влекло его за руку, а с начальством не поспоришь.

Обстановка в доме генерала от инфантерии Ивенского была дорогой, но выглядела немного казённо – не хватало женской руки, чтобы создать уют. Впрочем, общее впечатление скрашивало обилие зелени – генерал любил комнатные цветы и отдавал этому увлечению всё свободное время, что ему порой выдавалось. Имелись в его хозяйстве финиковые пальмы в кадках – высокие, с листьями, собранными веером, и пальмы банановые¹¹ с листьями широкими, как язык крылатого змея, и гладкими, как шёлк, и цитрусовые деревья, сплошь увешанные маленькими оранжевыми плодами. В гостиной цвели магнолии и древовидные камелии, перила парадной лестницы оплёл исландский плющ. Вдоль стен были расставлены жардиньерки с фиалками всех расцветок, на холодных подоконниках красовались белые, розовые и алые цикламены и уже начинали распускаться душистые гиацинты. На одном из окон в широкой площадке зрела настоящая земляника. По стенам чудесными бабочками порхали орхидеи – это было неземное зрелище. Тит Ардалионович не стал скрывать, да и не смог бы скрыть искреннего своего восхищения, чем сразу же снискал благорасположение хозяина дома и заслужил экскурсию в оранжерею, полную таких диковинок, каким не искушённый в ботанике Удальцев и названия не знал – все они цвели и пахли, по скептическому, но от этого не менее точному выражению Романа Григорьевича «совершенно одуряюще». Кроме того, в оранжерее жили певчие жабы, ящерицы, черепахи, настоящие живые бабочки, несколько крошечных заморских птиц в ярком оперении и – чудо из чудес – пара крупных, как утки, китайских бииня! Тело этих удивительных птиц покрывали красные и зелёные перья, и у каждой было по одному глазу, по одному крылу и одной ноге. Видя удивление гостя, генерал охотно пояснил, что обе птицы вовсе не увечны – таким их создала магия, они могут жить только парой, поддерживая друг друга, за это в Поднебесной их почитают как символ счастливого супружества... Увы, самому Григорию Романовичу обладание этим символом семейного счастья пока не принесло...

Кроме описанного выше собрания растительных и животных диковин, имелась в доме генерала Ивенского обширная коллекция картин батального жанра. Принадлежали он кисти известнейших живописцев России и Европы, стояли, вероятно, целое состояние, но выглядели довольно кроваво.

– Папенька их не любит, – пояснил Роман Григорьевич, – но держит для приличия. А то как же – дом боевого генерала, и вдруг без батальных сцен?

За осмотром дома последовал обещанный ужин, оказавшийся восхитительным. Удальцев, выросший в семье скромного достатка, ни одного из поданных блюд прежде не едал, и даже названий им не знал, но, опасаясь показаться диковатым, не решился спросить, тем более,

¹¹ Строго говоря, эти растения не являются пальмами, но в XIX в. их было принято называть именно так.

что кроме него самого, за столом оказалось ещё несколько визитёров, все из числа больших военных чинов. Тит Ардалионович поначалу чувствовал себя очень стеснённо в их обществе, но ему стало чуть легче после того, как полковник Маринский весьма лестно отозвался о его отце, советнике Удальцеве. (В годы войны Ардалион Данилович ведал поставками продовольствия для бессарабского фронта, и, по словам полковника, снабжение было налажено как никогда безупречно и честно, тогда как на других фронтах разрывывали едва не половину, заставляя солдат голодать.)

Когда же трапеза была окончена, обнаружилось, что за окнами тёмная ночь, и Удальцеву даже думать нечего возвращаться домой на Капища, если только он не желает угостить тамошних оборотней французскими деликатесами, содержащимися внутри его желудка. Его оставили ночевать в комнате для гостей, и если честно, он недолго отнекивался, исключительно приличия ради – меньше всего на свете ему хотелось в тот час выходить из тёплой гостиной на мороз, а собственное съёмное жилище представлялось теперь особенно убогим и безобразным. «Тоже, что ли, пальму завести?» – подумал он перед сном, но, не отыскав места, чтобы пристроить кадку, остановился на фиалке в горшке.

Ночью случилось долгожданное – выпал снег, завалил всё кругом белыми шапками. Москов-град проснулся свежим и праздничным, ушла осенняя тоска. Даже торговки горячими бубликами кричали на углах особенно лихо, даже вороны каркали весело. На службу ехали уже в санях – и-эх, с ветерком! Сани не занесло, не перевернуло, из чего Роман Григорьевич утвердился во мнении, что чёрная полоса его жизни осталась-таки позади.

У входа в Отделение привычно толпился народ – значит, вышел кто-то из хворавших, раз дежурный не разогнал. От толпы пахло странно и приятно – не то свежей зелены, не то душистым сеном.

– Что это за запах? – удивился Удальцев.

– Истод! – ответил Роман Григорьевич весело.

– Истод? – не понял юный, не знающий жизни надзиратель.

– Истод. Травка такая. Мелкие лавочки любят натирать ею ладони, чтобы, как они выражаются «деньги липли». Примитивная городская магия... Не знаете, отчего доносчики чаще всего встречаются среди мелких лавочников?

Этого Удальцев не знал, да Роман Григорьевич и не ждал ответа, для него вопрос был чисто риторическим.

Едва они вошли в кабинет, за Романом Григорьевичем явился дежурный:

– Извольте к господину первому приставу, ваше высокоблагородие!

– Максим Семёнович поправился? – обрадовался Ивенский, и вместе с тем ощутил укол совести: не догадался лично навестить болящего, ограничился тем, что отправил письменный доклад по новому делу!

– Так точно-с, здоровы, бодры и желают видеть вас незамедлительно!

Начальника своего, первого сыскного пристава Окаймленного – такая вот хитрая фамилия досталась любезнейшему Максиму Семёновичу – в управлении уважали за спокойный нрав, пусть не блестящий, но цепкий ум и воистину отеческую заботу о подчинённых. Роман Григорьевич особенно ощутил её на себе в тот памятный день, когда возвращался он с облавы на шайку Чудина Белоглазого с *пером*, как говорят уголовные, в боку. Он полулежал в пролётке, то и дело сползая куда-то набок, было ему больно и тошно, очень хотелось помереть, а Максим Семёнович сидел рядом, придерживал его за плечи и какими то пустыми, ничего не значащими разговорами помереть мешал. Так это было на самом деле, или нет, но второй пристав Ивенский был убеждён: не случись тогда рядом с ним Максима Семёновича – не было бы его теперь в живых. С тех пор он считал себя его должником.

... – Роман Григорьевич! – не оставив подчинённому времени доложить по форме, воскликнул первый пристав при виде вошедшего. – Рад вас видеть! Вы, я смотрю, в партикулярном? Взяли дело убиенного мага... как бишь его... – у Максима Семеновича была плоховатая память на имена, чтобы это не мешало работе, он всегда носил с собой особый блокнот, – Понурова! – он нашёл нужную запись прежде, чем Ивенский успел подсказать.

– Да, ваше высокоблагородие, взял, – отчего-то насторожился второй пристав, тон начальника показался ему необычно напряжённым. И точно!

– Напрасно! – вдруг от души выпалил Максим Семёнович.

– Отчего же, Максим Семенович?! – Ивенский от такого заявления даже опешил; собственно, он обязан был это дело взять, и иначе поступить никак не мог. Чем же начальство недоволено?

– Ах, да я не о том, что напрасно взяли, а о том, что напрасно оно случилось, и нам досталось, напрасно! Пусть бы кто другой им занимался! Дурно пахнет это дело, вот что я вам скажу, милый мой Роман Григорьевич. Большой бедой может обернуться. Уж поверьте, я такие вещи нюхом чувую!

Да, действительно, было у первого пристава Окаймлённого необычное свойство предвидеть служебные неприятности, это все знали, и в его способностях не сомневались. Поэтому и Роман Григорьевич не стал отговариваться, дескать, пустое, дело как дело. Спросил только:

– Да кому же ещё им заниматься, как не нам? Тут целиком наша юрисдикция.

Но у начальника уж наготове был ответ.

– Особой Канцелярии,¹² вот кому! Вот помяните моё слово, мы с ними ещё столкнёмся, не обойдётся без них. Непростое это дело, ох, непростое. Уж меня вчера, не взирая на простуду, по нему вызывали... – он многозначительно указал пальцем в потолок, что должно было означать его превосходительство, господина обер-полицмейстера Люггерта. – Вызывали, да. Спросили, осведомлён ли – ну, тут я, спасибо докладу вашему, был во всеоружии. О вас лично выпрашивали: кто таков, хорошо ли служите... Уж я им про папеньку вашего упомянул, не обессудьте. Знаю, что не любите этого, да только надежнее, если известно им будет, какого вы рода, кто за вами стоит. А то ведь у нас, если ты не в чинах, да без связей, как: был человек – нету человека, ищи-свищи! Не хочу вас пугать, но дурное это дело, право, дурное! Лучше бы его и не было совсем.

– Так ведь уже завели, никуда не денешься, – возразил Ивенский, не то что напуганный – не умел он пугаться, то ли по характеру, то ли по молодости лет – а, скажем так, заинтригованный. – Просто так закрыть тоже не можем... И потом, ведь интересно, Максим Семенович! Не каждый день у нас магов убивают, а? Я пойду работать?

– Ступайте, что поделаешь, – вздохнул первый пристав. – Только осторожнее будьте, Роман Григорьевич, очень вас прошу!... Да, и нового надзирателя пришлите сейчас, пусть представится.

– Ведь он тоже в штатском сегодня, – заметил Ивенский с порога. – Я велел.

– Ничего, и без мундира познакомимся как-нибудь.

Роман Григорьевич удалился. Максим Семенович долго глядел ему вслед, пригорюнившись.

Подчинённого своего, Романа Григорьевича Ивенского, Максим Семенович очень ценил. Но в день, когда только известно стало о назначении нового второго пристава, его высокоблагородие господин Окаймлённый, был очень недоволен. «Имейте в виду! Самого генерала от инфантерии, героя Второй Крымской, господина Ивенского Григория Романовича единственный сын!» – многозначительно сказали ему у обер-полицмейстера. И он потом весь день сер-

¹² В нашей реальности схожим ведомством было III отделение Собственной Его императорского Величества канцелярии, однако, функции этих двух учреждений не вполне совпадают.

дито бубнил себе под нос: «Ещё не хватало нам в управлении генеральских сынков! И что он в сыскном позабыл? Можно подумать, других мест мало – нужно к нам лезть! Капризы барские! С жиру бесится золотая молодёжь! И как с ним обращаться-то нужно, а? Будет теперь свои правила устанавливать...»

Что ж очень скоро он своё мнение переменял: на типического генеральского сына, какими себе представлял оных Максим Семенович, молодой пристав Ивенский решительно не походил. И умён был от природы, и образование получил отменное – такое знал, что непонятно зачем и знать-то нужно. С виду крепким не казался, сложение имел изящное, однако, вынослив был не хуже других, стрелял метко, владел и благородной шпагой, и лихой шашкой, и даже разбойничьим ножом – откуда такое умение у юноши из известной дворянской фамилии? Был сдержан и немного замкнут, но без высокородной снисходительности, просто по натуре своей. Вёл себя почтительно настолько, насколько этого требовала разница в чинах, в годах и в опыте. Правил своих устанавливать и не думал, напротив, служил добросовестнее и аккуратнее многих: дисциплину знал, и бумаги умел содержать в порядке (хоть и жаловался, что их слишком много), и со свидетелями разговаривать, и допрашивать без лишней жестокости, но и без лишнего снисхождения. В частной жизни был скромн: жил от родителя отдельно, одевался без франтовства, в свет выезжал редко – желал бы и вовсе не выезжать, да происхождение обязывало, не хотел огорчать отца. Об игре и прочих дурных пристрастиях нынешней молодёжи и речи не шло. О взятках и подавно. Ну, золото, а не подчинённый! Одно в нём тревожило Максима Семеновича: это его бесстрашие – не юношеское, шальное и глупое, которое скоро проходит, а холодное, рассудительное, казавшееся едва ли не равнодушием к собственной судьбе. Такое уж не пройдёт, и долго с этим не живут.

– ...Роман Григорьевич, душа моя, – выговаривал он ему. – Да зачем же вы под нож полезли, ведь были совсем в стороне!

Тот отвечал спокойно:

– Что же мне оставалось? Ведь иначе на надзирателя Каширина пришёлся бы весь удар. Для него он непременно вышел бы смертельным, мне же могло повезти. И повезло, к слову.

– А кабы нет?!

– Что ж... У Каширина большое семейство, у меня, по счастью, своего семейства вовсе нет.

– Но отец ваш, Григорий Романович...

– Он боевой офицер. Он бы понял.

Вот и поговори с ним! А ведь совсем ещё мальчик по летам. Откуда в нём это?

...– Откуда у вас такой ужасный шрам Роман Григорьевич? – длинный, тонкий и белый, он шёл наискось от середины лба к левому виску.

– Этот? Да разве он ужасный? Османская пуля вскользь прошла, я, помню, даже не плакал...

Да, с одной стороны, хорошо, что дурное дело досталось именно Ивенскому – глупостей не натворит. Но и не поостережется, нет! До конца пойдёт. Знать бы ещё, до какого... или *до чьего?*...

В отличие от второго пристава Ивенского, покоровшего сердце Тита Ардалионовича с первых же минут знакомства, первый пристав Окаймлённый особого впечатления на него не произвёл – средних лет, крепкий, лысоватый, простоватый и по облику, и в речах – про таких говорят: «звёзд с неба не хватает». Зато встретил сердечно, усадил, расспросил о первых днях службы, о родителях, а там и знакомые общие обнаружились...

Говорили довольно долго, и невдомёк было молодому надзирателю, что в этот самый миг совсем в другом кабинете решается его судьба.

Максим Семенович как в воду глядел. Ивенский даже не удивился, когда в кабинете его обнаружился некто. Невысокий субъект, скучный-скучный, серый и невзрачный, как моль, но с хорошей выправкой и манерами человека благородного.

Могу ли я говорить со вторым приставом господином Ивенским? – спросил он голосом бесцветным и тихим, глядя в ему прямо в глаза. Вопрос явно был праздным, человек прекрасно знал, кто передним.

– Извольте! – ответил Роман Григорьевич, приподнявшись в кресле навстречу вошедшему. Он хорошо знал, где именно водятся такие скучные серые субъекты. – Я слушаю вас со всем вниманием.

– Разрешите представиться, Иванов, агент по отдельным поручениям Особой Канцелярии, – руки он не подал.

– Душевно рад знакомству, – немного нервно улыбнулся Роман Григорьевич. – Что же вас привело в наши скромные стены, господин Иванов?

– Служба, ваша милость, служба. Одно маленькое дельце... Впрочем, не такое уж и маленькое...

– Я полагаю, речь идёт о смертоубийстве на Боровой? – Роман Григорьевич не любил долго ходить вокруг да около.

– Вот именно, – мило улыбаясь, подтвердил агент. – Оно ведь находится в вашем производстве?

– В моём.

Во рту отчего-то сделалось противно и сухо.

– И следственные действия проводили вы лично?

– Да. Именно я.

Тут серый человек повздыхал сочувственно, потёр руки в серых перчатках, пожевал губами, будто собираясь с духом перед чем, чтобы сказать нечто чрезвычайно неприятное для собеседника.

– Видите ли, мой милый... простите, если немного излишне фамильярен...

– Ах, как вам будет угодно! Продолжайте! – вскричал Роман Григорьевич с нетерпением. Он чувствовал себя подсудимым, дожидаящимся оглашения приговора.

– Так вот, дельце это, как вы, наверное, и сами заметили, имеет свойство весьма деликатное. Тут затронуты интересы очень, очень важных персон, – человечек возвёл очи к небесам. – А потому у нас с вами есть два возможных варианта. Либо вы передаёте его нам, а сами проходите слегка болезненную, но, в общем, безопасную для здоровья процедуру, которая заставит вас забыть детали событий последних дней, либо...

– Либо?

– Либо вы продолжаете заниматься этим делом, но переходите на службу в наше ведомство, с заметным повышением в чинах, разумеется. Второе для нас является предпочтительным, поскольку шаги, уже предпринятые вами в этом расследовании, характеризуют вас с самой лучшей стороны... так каково же будет ваше решение, мой милый?

Каково будет решение?! Да разве найдётся на этом свете хоть один молодой сыскной, не мечтающий поступить на службу в Особую Канцелярию? Одному из сотни, а может, из тысячи выпадает такая удача!

– Это действительно возможно? – стараясь выглядеть совершенно равнодушным, спросил Ивенский, глядя куда-то в окно, поверх головы визитёра.

– Безусловно, – мягко улыбнулся господин Иванов. – Иначе зачем бы я к вам пришёл? Так вы принимаете наше предложение? Вы можете перейти к нам навсегда, или, если вам будет угодно, вернуться на старое место по завершении дела. Выбор за вами. Что же вы молчите?

Роман Григорьевич молчал. Потому что вспомнил про Удальцева, посвященного во все детали «деликатного дельца». Боги милостивые, как быть с ним?! Предупредить господина

Иванова, тем самым обрекая бедного юношу на «слегка болезненную» и наверняка не такую уж безопасную для здоровья процедуру стирания памяти? Промолчать, рискуя быть, со временем, уличённым в утаивании служебной информации? Впрочем, со временем ли? Наверняка в канцелярии прекрасно знают о том, что следствие он вёл не в одиночку. Знают и ждут, как-то он теперь себя поведёт?

– Господин Иванов, – сказал Ивенский твёрдо. – Я почти за честь принять ваше предложение, но должен предупредить. Расследованием я занимался не один. К нему было привлечено ещё одно лицо.

– Молодец! – серый человек просиял так, будто дорогой подарок получил. – Я знал, что вы примете верное решение относительно надзирателя Удальцева! (С ума сойти! Мысли он, что ли умеет читать?) Разумеется, нам хорошо известно об участии в деле вашего юного подчинённого. Но я рад, что вы сами это поняли и сочли необходимым продемонстрировать свою благонадёжность... Что ж. Вам определённо понадобится помощник. Пусть им остаётся господин Удальцев, его, по крайней мере, не нужно вводить в курс дела. Если он сумеет себя хорошо зарекомендовать – вы сможете сотрудничать и дальше. Если нет... Что ж, память подправить никогда не поздно. Итак, зовите его, и едем. Внизу нас ждут сани. Вещи свои вы сможете забрать позже, или распорядитесь, пусть их вам пришлют.

– Раньше я должен доложить своему начальству об убытии, – возразил Ивенский.

– Не беспокойтесь, мы уведомим господина Окаймлённого сами, – небрежно махнул рукой Иванов.

– Но мне хотелось бы сделать это лично, – вздохнул Роман Григорьевич. – Видите ли, я многим обязан этому человеку...

Иванов пожал плечами.

– Пожалуйста, как вам будет угодно! Лично так лично. Мы ведь никуда не спешим.

Окаймлённый и Удальцев ещё не завершили встречу, превратившуюся из служебного представления в приватную беседу, когда Роман Григорьевич вернулся в кабинет своего начальника, теперь уже почти бывшего.

– Ваше высокоблагородие, позвольте? – нужно было очень хорошо знать пристава Ивенского, чтобы догадаться, что тот, сохраняя видимое спокойствие, на самом деле взволнован до крайности. Максим Семенович Окаймлённый своих подчинённых знал прекрасно.

– Роман Григорьевич? Что-то случилось? – добродушная улыбка сползла с его широкого лица, сменившись выражением тревоги. – Вы можете идти, милейший Тит Ардалионович, душевно рад знакомству. Надеюсь, вам понравится служить у нас.

– Боюсь, уже нет! – непонятно и неприятно усмехнулся Роман Григорьевич, и Титу Ардалионовичу отчего-то сделалось не по себе. – Удальцев, будьте добры, не уходите далеко. Дождитесь меня у дверей.

Младший надзиратель тихо выскользнул прочь, так ничего и не узнав.

– Ну же, Роман Григорьевич, не томите! Что за беда?

– Особая канцелярия. Вы были правы, Максим Семёнович, я только что имел беседу с их агентом.

– И?

– Мне предложили выбор. Либо я перевожусь на службу к ним, либо...

– Некая безвредная процедура? – перебил Окаймлённый, с горькой усмешкой. – Надеюсь, вы им не отказали, Роман Григорьевич? Знал я человека, которому пришлось эту процедуру пройти. После неё он сделался полнейшим идиотом, из тех, что ложку в ухо несут.

– Я согласился на перевод.

Максим Семёнович шумно перевёл дух. Трудно найти на свете молодого полицейского, не мечтающего о службе в Особой канцелярии. Но в Романе Григорьевиче он отчего-то уверен не был, ведь тот всегда себе на уме.

– Вот и славно! Вот и служите Государю и Отечеству! А для всех нас было честью служить с вами, да! – Он поднялся со своего места под портретом государя Павла II Иоанновича,¹³ а сын его брата Николая I Павловича – Александр II), вышел из-за стола, и отечески обнял бывшего подчинённого.

Роман Григорьевич хотел ответить весело и иронично, но голос отчего-то перехватило, и он сказал почти шёпотом.

– Максим Семёнович, они сказали, по завершении дела я могу вернуться. Я вернусь?

– Не вздумайте! – горячо возразил тот. – Не ломайте свою жизнь. Вы были лучшим из служащих нашего Отделения, второго такого как вы уж не будет, наверное... Но вы – птица другого полёта, я всегда это знал. Служите с честью и впредь! И мальчика этого, Тита Ардалионыча, вы ведь с собой забираете, я правильно понял? Поберегите его, не позволяйте сломать. Мне кажется, из него должен быть толк.

Они простились. Надо бы радоваться, но кабинет начальника Роман Григорьевич покидал с тяжёлым сердцем. «И Максима Семеновича жаль бросать, – думал он, – и папенька, пожалуй, не одобрит...» Под дверью встревоженным тушканчиком маячил Удалыцев.

– Собирайтесь, – велел ему Ивенский коротко. – Едем.

– Куда? По свидетелям? – обрадовался тот, он ждал чего-то худшего.

– Нет. В Особую канцелярию служить! Нас с вами туда переводят.

– А?! – только и смог вымолвить Тит Ардалионович. Он ничего, решительно ничего не понимал.

– Я вам чуть позже всё объясню, – обещал Роман Григорьевич мягко. – А теперь нас ждут.

Удивительно буднично произошёл перевод. Экипаж остановился подле высокого, старого строения на углу Мясницкой и Лубянской. Дом этот был хорошо известен в Москов-граде, и пользовался самой дурной славой. По ночам с ним творилось неладное: в зарешеченных окнах мелькали синие огни, по стенам мелькали блики, струилась туманная дымка... Да, потусторонней твари здесь водилось не меньше, чем на зловещих Капищах.

– Слышал, у вас тут и призраки обретаются, – мимоходом спросил Ивенский у провожаемого. – Отчего же не выведете?

Господин Иванов в ответ плечами пожал.

– Да зачем же? Пускай стережётся народ.

Но теперь до ночи было далеко, а днём здание выглядело вполне обыденно, скучновато-казённо: контора и контора, разве что обставлена не бедно, даже у письмоводителей на столах хорошее сукно вместо клеёнки.

Вновь прибывшим сначала дали расписаться в секретных бумагах. Расписываться надо было старомодным гусиным пером, окуная его в каплю собственной крови, для этого и булавка особая предлагалась, и гусь под рукой имелся. Церемония показалась Роману Григорьевичу опереточно-нелепой. То есть, зачем нужна была кровь – это понятно. Но отчего было не обойтись привычным стальным пером?

Затем, к их большому удивлению, зачем-то свели к лекарю, тут же, при Канцелярии состоявшему. Лекарь велел Роману Григорьевичу снять рубашку, заставил лечь на обитую чёрной кожей кушетку и потом мучительно долго возился: считал пульс, разглядывал старые

¹³ В нашей реальности Иван Павлович отрёкся от престола, детей имел только внебрачных, поэтому в описываемое время царский трон занимал не сын его Павел, рождённый от законной жены (такового в нашей реальности не существовало вовсе.

шрамы и свежие синяки, стучал по рёбрам холодными пальцами, выслушивал через костяную трубку, даже иголки прямо в живое тело втыкал. И, наконец, объявил.

– Что ж, не смотря на то, что пару раз вы были чрезвычайно близки к смерти, теперь здоровье ваше вполне удовлетворительно. Точнее, станет таковым, когда пройдут ушибы. К службе вы, безусловно, годны. Однако, впредь вам не следует себя излишне переутомлять, и питаться вы должны лучше. Вам не помешало бы прибавить в весе.

– Я весьма недурно питаюсь, – холодно ответил Роман Григорьевич, не имевший ни малейшего намерения «прибавлять в весе».

– А, – понимающе кивнул лекарь, истолковав его ответ по-своему. – Военное детство. Что ж, у многих молодых людей теперь так. В любом случае, ешьте побольше жирной свинины с кровью – пойдёт на пользу.

– Спасибо, учту, – пообещал Ивенский сердито.

За Ивенским наступила очередь Удальцева.

– Вы, юноша, здоровы отменно! – заключил лекарь после осмотра куда более беглого. – Однако если станете злоупотреблять вином, то к пятидесяти годам вас непременно ждёт удар.

– Я вовсе не пью вина! – обиженно вскричал Тит Ардалионович.

От лекаря оба ушли очень недовольные, но оказалось, что на этом их испытаниям ещё не конец. За лекарем последовал маг.

В отличие от пожилого лекаря, маг оказался человеком сравнительно молодым для своей профессии – лет тридцати пяти, не старше. Был он очень статен и импозантен. Вместо чёрной мантии, приличествующей ему по роду деятельности, носил коричневый диагональный костюм модного покроя и туфли, совсем не подходящие для зимы.

На юного Удальцева он едва взглянул. Спросил сурово:

– Оккультным наукам обучались?

– В гимназии! – затравленно пискнул юноша, маг его подавлял.

– Больше трёх баллов не имели?

– Так точно, не имел! – откуда только узнал, окаянный? Ведь по всем прочим дисциплинам Титушка Удальцев был первым учеником, и только магия ему не давалась, хоть ты плачь!

– Свободны. Нужные амулеты получите завтра, у кладовщика.

Роман Григорьевич решил, что и с ним будет так же легко – и просчитался. Маг сразу схватил его за руку.

– Боги мои! Это что такое?!

– А что? – искренне удивился Роман Григорьевич, о неприятном происшествии в доме убитого он успел позабыть.

– Что? Вы меня спрашиваете, что? Да как вы живы-то до сих пор?!

– Ваш лекарь сказал, что здоровье моё вполне удовлетворительно, – заметил Ивенский сухо.

Маг усмехнулся.

– Молодой человек, кирпичу, который упадёт вам на голову, или экипажу, который вас переедет, не будет никакого дела до состояния вашего здоровья! На вас лежит старинное мадьярское проклятие Мегсемизита, обычно с таким живут не более трёх часов, а вы уже несколько дней ходите как ни в чём... И оберегов на вас серьёзных нет... Поразительно! Расскажите-ка в деталях, что случилось с вами в доме мага Понурова?

Роман Григорьевич нехотя рассказал, и о «праздничных» происшествиях упомянул на всякий случай.

– Да-а, – маг ходил вокруг него кругами и любовался, как на заморскую диковину. – Удивительный случай! Откуда такая устойчивость?... Тем не менее, оставлять проклятие без вмешательства нельзя. Извольте-ка вот сюда, в пентакль... да-да, точно по центру встаньте. Придётся вам, молодой человек, вытерпеть одну не совсем лёгкую процедуру...

Слово «процедура» неприятно кольнуло. Сомнение мелькнуло: уж не решили ли ему всё-таки память «подправить»? Не за тем ли привел их сюда господин Иванов? А все разговоры о новой службе – это так, пилюлю подсластить, чтобы не дёргались лишний раз?

Впрочем, теперь они уже ничего не могли изменить. Оставалось подчиниться...

Обошлось. Память осталась нетронутой, только несколько мгновений выпали из неё: сначала чудовищная боль пронзила руку, ту самую, что уже пострадала от магии в доме Понурова – казалось, будто из неё железным крюком выдирают нервы. А потом Роман Григорьевич вдруг обнаружил себя уже не стоящим в пентакле, начертанном белой краской на каменном полу, а лежащим в чёрном кожаном кресле у окна. Знакомый лекарь склонился над ним с баночкой нюхательной соли.

– Что же вы творите, милейший Аполлон Владимирович?! – сердито выговаривал лекарь магу. – К чему такая изуверская жестокость? Неужели трудно было подождать пару минут, позвать меня, чтобы я дал молодому человеку опия? От боли умирают, будет вам известно!

– От опия тоже, – насмешливо возразил маг.

– В умеренных дозах опий ещё никому не повредил.

Аполлон Владимирович усмехнулся хищно.

– О! Вот об этом мы с вами, Иван Тихонович, ещё поспорим! Годков, эдак, через сто.

На это доктор отвечать не стал, только возмущённо шмыгнул носом. Потому что лекари, в отличие от магов, по двести лет на свете не живут.

Наконец, все неприятности остались позади. Господин Иванов (впрочем, теперь его следовало именовать господином Ларцевым Антоном Степановичем) проводил подопечных в их новый кабинет, один на двоих. Два окна, два шкафа, два стола. Над столом Романа Григорьевича – портрет государя в золочёной раме строгого профиля, без рельефного узора. Над столом Тита Ардалионовича государь предусмотрен не был, дело ограничилось латинским изречением, тоже в золотой рамке. «*Ab haedis segregare oves*» – гласило оно: «отделять овец от козлищ». Видимо, именно этим ему отныне предлагалось заниматься.

– Ну вот, – бодро подытожил господин Ларцев, давая понять, что его миссия провожатого завершена. – Все формальности позади, поздравляю с повышением в чинах, – заметим, что для Тита Ардалионовича повышение вышло весьма значительным: дали сразу коллежского секретаря, Роман Григорьевич перешагнул через класс, получил коллежского советника, – можете приступать к работе, продолжать ваше расследование. Будут ли у вас какие-то вопросы, господа?

– Будут, – тут же откликнулся Ивенский. – Раз уж мы теперь служим по вашему ведомству, не скажете ли, известно ли вам по делу Понурова что-то, чего пока не знаем мы? Просто чтобы не делать лишнюю работу и не терять времени даром.

Ларцев серьёзно задумался, собрал складками лоб.

– Что такое известно нам, чего не знали бы вы?... Да пожалуй, немного, очень немного. Известно, какие средства предполагается прилечь к данному проекту, и какие уже были привлечены – для следствия это, согласитесь, непринципиально. Скажу лишь, что цифра имеет порядочно нулей. Известны имена государственных и частных лиц, материально заинтересованных в воплощении этой идеи. Я могу предоставить вам список, но это потребует от вас ещё одной расписки гусиным пером.

– Нам больше интересны были бы имена лиц НЕ заинтересованных, – заметил Ивенский, невольно потирая безымянный палец.

– Ах, когда бы всё было так просто! – развёл руками Ларцев. – Этого мы пока, увы, не знаем. Ищите, Роман Григорьевич, всё в ваших руках! Ещё вопросы?

– Да. Всякий магический портал имеет два конца. Значит, обслуживать его должны два мага. С нашей, московской стороны таковым предполагался убиенный Понуров. А со стороны пальмирской? Вам известно имя второго мага?

– Известно, – с лёгким недоумением пожал плечами Антон Степанович. – Академик Контоккайнен Илья Эмильевич, гроссмейстер. А к чему оно вам?

– Да так... Думается, нелишним будет нам с ним побеседовать. И знаете что? Я бы посоветовал вам телеграфировать в Пальмиру, чтобы к нему приставили охрану. Для душевного спокойствия, знаете ли.

– Вы считаете? – озабоченно нахмурился Ларцев. – Пожалуй... Пойду, распоряжусь. Удачной вам дороги, господа, – он удалился.

– Дороги? Разве мы куда-то едем? – не понял Удальцев, он почему-то вообразил, что академик Контокайнен должен сам явиться из Северной Пальмиры к ним на допрос.

– В Северную Пальмиру мы с вами едем, Тит Ардалионович. Притом нынче же! Насколько я помню, поезд отходит в восемнадцать-тридцать, у нас ещё достаточно времени на сборы. Пожалуй, даже успеем навестит пару-тройку адресов из списка... или нет! Не станем рисковать, отправимся сразу на вокзал. Мы непременно должны уехать сегодня! – Роман Григорьевич и сам не знал, отчего так торопится увидеть пальмирского мага, и что, собственно, надеется у него выведать. Но внутренний голос подсказывал: надо спешить, а внутреннему голосу своему недавний второй пристав, а ныне агент по специальным поручениям Ивенский привык доверять – тот его ещё никогда не подводил.

Часть 2

*Во всех углах жилья, в проходах, за дверьми
Стоят чудовища, не зримые людьми:*

В. Брюсов

Поезд тронулся с опозданием в четверть часа – дожидались некую важную персону, какой было угодно задержаться. Роман Григорьевич злился – он любил точность, и хотя сам имел обыкновение являться в последнюю минуту назначенного срока, но не опаздывал никогда. Впрочем, внешне он раздражение своё почти не проявлял, так что настроение Тита Ардалионовича было восторженно-безмятежным. Его радовало всё: и внезапная головокружительная карьера (шутка ли, с четырнадцатого класса табели о рангах перепрыгнуть сразу в десятый!), и неожиданный отъезд в «Петровскую столицу» (стыдно признаться, но за восемнадцать лет жизни ему ещё ни разу не довелось путешествовать поездом – только в старом родительском дормезе, на своих), и снег, вновь поваливший крупными хлопьями, и предотъездная суeta на станции, и трогательные сцены прощания, коим он стал невольным свидетелем.

Наконец раздался третий звонок, провожающие оставили вагон, и поезд, вздрогнув, медленно и плавно отплыл от станции – в первый момент Титу Ардалионовичу показалось, будто не он, а сама станция за окном пришла в движение. Привыкший к поездкам в холодных каретах, Удальцев нарядился тепло, ещё и плед с собой прихватил, но в классном вагоне оказалось жарко – топилась дровяная печь, и к ней был приставлен истопник из инвалидов. Для размещения пассажиров были предназначены особые диванчики, очень удобные по сравнению сиденьями кареты, Ивенский с Удальцевым заняли соседние места. Рядом оказались пожилой господин в чёрной шубе и студент Инженерного института, судя по пылающим ушам, изрядно продрогший на станции. За окном ещё мелькали заснеженные домики московских окраин, а господин уже завернулся в свою шубу и заснул, засвистел носом. Студент попытался завязать со спутниками непринуждённый разговор, начав его с обсуждения достоинств молодой девицы, прошедшей мимо по вагону, в частности, и молодых девиц в целом. Удальцев, пожалуй, не прочь был бы ту беседу поддержать, но Роман Григорьевич уклонился, и сделал вид, что погружён в чтение вечерней газеты – именно сделал вид, но не читал, Удальцев в этом отчего-то был уверен. Болтать о пустяках при начальстве было неловко, да и желание такое быстро пропало: мерный перестук колёс навевал сон. Не смотря на сравнительно ранний час, скоро в вагоне спали или дремали все, в том числе и разговорчивый студент, и Ивенский, закрывший газетой бледное лицо. Что-то произошло с ним днём в кабинете канцелярского мага, что именно – Тит Ардалионович не знал, видел только, как туда зывали доктора, а потом оттуда выбрел Роман Григорьевич, совершенно зелёный и дрожащий. Вышел и сообщил в сердцах, что не видит большой разницы между колдунами и живодёрами. Удальцев не решился ни о чем его расспрашивать...

Неожиданно расхотелось спать, и Тит Ардалионович даже порадовался этому внезапному приливу бодрости. Жаль было тратить время на сон, ведь целый мир пролетал за окном, к счастью, ещё не успевшим замерзнуть. Вдоль насыпи тянулась полоса кустарника, за ней открывалась белая равнина, ни дорог, ни тропинок не угадывалось на ней под слоем свежего снега, только мелькали порой полосатые верстовые столбы да одинокие бревенчатые избы, да будки путевых обходчиков. Потом дорога пошла лесом, и казалось, будто не поезд едет, а заснеженные деревья бегут мимо, кружась в танце под серым, удивительно светлым небом. Дальше встретила река, колёса загрохотали по мосту, и снова потянулась равнина – дикая, безлюдная, первозданная... Однообразие пейзажа начало утомлять, точнее, приятно томить. Не попытаться ли уснуть, подумал Тит Ардалионович, бросил последний, прощальный взгляд в окно...

И увидел ЭТО.

Оно бежало рядом с вагоном, точно напротив его окна окном, не отставая и не вырываясь вперёд. Оно было СТРАШНЫМ. Тёмно-серая, безобразная тень преследовала поезд!

Ужасно захотелось отпрянуть от окна и спрятаться под пледом, но Удальцев усилием воли заставил себя приглядеться к призрачной твари – и ничего хорошего он не увидел. Сложением гадкая нежить напоминала обыкновенного нашего жердя, какового и теперь ещё можно встретить по ночам в деревнях, где мужики, позабыв заветы отцов, взяли моду ставить избы воротами не на предписанный север, а зачем-то на запад. У жердя худое как кол тулово, длинные угловатые конечности и мелковатая для его пятиаршинного роста голова, но фигуру он имеет почти человеческую, ходит о двух ногах. Тварь же за окном очертаниями тела походила одновременно на безобразно-истощённую клячу и хищного, узкорылого волка. Ни о чём подобном Тит Ардалионович в жизни не слышал, хоть и был, благодаря своей нянюшке Агафье, большим знатоком по части нежити, населяющей наши края. Призрачный зверь был ЧУЖИМ, и от этого особенно жутким. Он нёсся огромными прыжками, неестественно выворачивая лапы, вытянув вперёд длинную шею. Никаких следов за ним не оставалось, и чем дольше Удальцев на зверя смотрел, тем труднее ему становилось понять, плоский он, или имеет объём, бежит на четырёх ногах, чуть касаясь земли, или боком скользит по её заснеженной поверхности наподобие изображения в театре теней. В конце концов, он стал сомневаться, а есть ли тварь на самом деле, не приснилась ли она ему, или, может, наяву привиделась?

Не в силах дольше мучиться страхом и сомнениями в одиночку, он решился на крайность – разбудил Романа Григорьевича. Тот проснулся сразу, едва Удальцев коснулся его плеча – будто и не спал вовсе.

– Что с вами, Удальцев? На вас лица нет! Вам нехорошо?

– Роман Григорьевич, пожалуйста, посмотрите в окно, – убито попросил подчинённый. – Вы тоже видите ЭТО?

Ивенский посмотрел. Потом протёр глаза и посмотрел ещё раз. Похоже, глазам своим он в эту минуту не очень-то верил.

– Видите? Да?

– Да, – серьёзно подтвердил Роман Григорьевич. – Не могу сказать, что именно, но определённо вижу. Ах ты, господи, какая же гадость!

– Ох! – с чувством выдохнул Удальцев. – А я уж решил, мне *поблазнилось*, – от душевного волнения вдруг вырвалось просторечное, от няньки подхваченное слово, очень его смутившее неуместностью своей в разговоре с начальством.

Но Роман Григорьевич не осудил его за оговорку, только возразил:

– Нет. Я слышал о твари, что в народе называется *блазня*, но она двоим сразу казаться не может. А это, это... Вам что-нибудь говорит имя «чёрная гончая»? Не читали в «Вестнике», кажется, в августовском номере?

Удальцев отрицательно покачал головой. Было так жутко, что даже звук собственного голоса пугал – это его-то, до полного безразличия привычного к мрачным привидениям Капиц! Разве не странно?

– Новинка европейской магии, создана на основе кладбищенского *грима*, специально для тайной слежки. Описывается как призрачное звероподобное существо, не видимое на свету. Я не уверен, но подозреваю, что это оно и есть.

Удальцеву стало ещё хуже.

– Вы думаете, она следит за нами?

– Не знаю, в вагоне кроме нас ещё много народу... Давайте-ка поверим.

Сначала они, стараясь не задевать спящих пассажиров, перешли в другой конец едва освещённого вагона, и снова выглянули в окно. Тварь переместилась следом. Вернулись на прежнее место, но выглянули с другой стороны. Тварь была там, каким-то образом она пере-

скочила через состав, а может, проскользнула под ним, или – ещё страшнее – прошла *сквозь* него. Для полной уверенности сходили в передний вагон. Тварь не отстала.

– Точно, за нами следит! – прошептал Удальцев в отчаянии. – Но зачем? Кому это надо?

...

Роман Григорьевич пожал плечами.

– Кому-то, имеющему свой интерес в деле об убиении Понурова. Либо наши опекуны из Особой канцелярии таким образом присматривают за «новобранцами»... Интересно, нас двое, а тварь, вроде бы, одна. За кем из нас она идёт? Вот что, ступайте-ка в передний вагон, а я останусь тут, посмотрим, что она будет делать.

Чуть не подвывая от животного ужаса, силу которого он не мог себе объяснить, Удальцев исполнил приказ. И под окном переднего вагона увидел её. Тварь шла за ним. Бедный Тит Ардалионович пулей метнулся обратно. У него ещё оставалась малодушная надежда, что в своих страданиях он не одинок, и у Романа Григорьевича имеется отдельный преследователь. Но нет.

– Не хочу вас пугать, друг мой, но эта дрянь определённо приставлена к вам лично. Без вас я её не видел.

– Ой-й, – только и сказал несчастный.

– Зато теперь нам ясно, что это не происки Канцелярии.

– Почему? – нашёл в себе силы спросить Удальцев.

– Потому что Ларцев, он же Иванов, наверняка приставил бы гончую не к вам, а ко мне, как к старшему по чину. Вот что. Постарайтесь-ка вспомнить, в последние дни не забывали ли вы где-нибудь личных вещей?

Тит Ардалионович напряг память.

– Платок! Когда мы выходили из Оккультного собрания, я не нашёл в кармане носового платка! Решил, что обронил...

Роман Григорьевич зло рассмеялся:

– Ну, вот вам и ответ! Господин Кнупперс желает быть в курсе расследования! Вы обронили – он подобрал. Ах, как бы нам от этой дряни отделаться? Интересно, есть способ?

...Поезд летел сквозь ночь. Чёрный зверь мчался за ним по белому снегу, не отставая, не забегая вперёд; только огни станций заставляли его ненадолго исчезнуть, потом он являлся вновь. В вагоне не спали двое.

– Страшно, Роман Григорьевич, – пожаловался Удальцев, съжившийся под пледом в углу своего диванчика.

Тот помолчал, подумал, и согласился:

– Да, жутковато, пожалуй, – это его небрежно брошенное замечание в какой-то мере даже успокоило Удальцева: подумаешь, «жутковато»! Он ещё не знал тогда, что подобным образом Роман Григорьевич выражает обычно высшую степень тревоги.

Ближе к рассвету они всё-таки заснули, а когда пробудились, в окна уже заглядывало утреннее солнце, и ночной преследователь исчез. Но Тит Ардалионович уверен был: тварь никуда не делась, так и продолжает бежать рядом с вагоном, просто её не видно. Однако, при свете дня эта мысль уже не внушала ему прежнего ужаса. «И зачем я ночью так перепугался? – недоумевал Удальцев. – Ну, призрак, ну, страшноватый с виду – подумаешь! Видали мы и не таких! Неприятно, конечно, когда за тобой постоянно следят чужие глаза, но стоит ли от этого впадать в панику? Должно быть, это ночь, темнота и усталость так на меня повлияли. Верно говорят: сон разума порождает чудовищ!.. А глупое же, однако, чудовище мне досталось! Стоило бежать всю дорогу за поездом, когда можно было спокойно войти внутрь, лечь в проходе и ехать с большим удобством? Или гончей нет пути внутрь помещений? То-то было бы славно!»

В вагоне становилось всё оживлённее, пассажиры знакомились, завязывались обычные дорожные беседы – ни о чём.

...– Говорят, в Пальмире теперь полно упырей, – долетело до ушей Романа Григорьевича. – Будто бы их даже больше стало, чем масонов. Живут как обычные люди – не отличишь, только выезжают по ночам – гудел низкий мужской бас.

– Ну-ну! Говорят также, что все упыри – масоны, и все масоны – упыри! Стоит ли доверять подобным слухам? – возражал другой, дребезжащий голос. – И потом, чем уж так плохи масоны? Государь наш Павел Петрович был масон.

– Вот именно! И как он кончил? Задушен собственными гвардейцами!

– Да не задушен, господа, а убит табакеркой в висок...

– Что лишний раз подтверждает: не был он упырём! Против упыря, батенька мой, нужна осина, табакерка тут не поможет...

Ивенскому стало забавно, он начал прислушиваться нарочно.

...– У нас в Москов-граде последнее время столько злыдней расплодилось по присутственным местам: грохочут, озоруют, бумаги все перетряхивают, перепутывают, а что и портят. Скажите, как у вас в Пальмире избавляются от злыдней?

– Ах, да у нас их просто подкармливают, чтоб не пакостили.

– А в Европе, сказывают, злыдней вовсе не водится. Отчего так?

– Воруют, должно быть, меньше. Да только у них в Европе гоблины повсюду, это вроде наших домовых. Тоже, скажу я вам, не подарок...

...– На Неве скоро откроются рысистые бега, так я хочу свою тройку выставить. Да вот боюсь, коренную мне не сглазили бы, масть у неё соловая,¹⁴ такие злого глазу боятся. Где бы оберег хороший добыть, чтоб уж наверняка?

– На Васильев Остров поезжайте, самые лучшие колдуны по скотине на Васильевом Острове живут, там и лавки у них. Что-нибудь да подберёте...

... Понемногу сбавляя ход, поезд приближался к станции. Кондуктор на площадке дал свисток. Приехали.¹⁵

На площади перед величественным, как дворец, зданием вокзала толпились извозчики.

– Гороховская улица, собственный дом гроссмейстера Контоккайнена, – велел Ивенский ближайшему из лихачей, и сани понеслись.

В Северной Пальмире Роману Григорьевичу доводилось бывать нередко, но всякий раз почему-то летом. Ему всегда здесь нравилось больше, чем в нынешней столице, а зимний, припорошенный снегом город показался особенно нарядным и праздничным.

Штукатуренные, выкрашенные в разные цвета, отделанные лепниной фасады домов открыто смотрели на мир широкими окнами – крылатые змеи в этих краях перевелись много раньше, чем на Москве, а может, и не водились никогда. Над каналами изящно выгибались мосты, далеко впереди уже проглядывал, приближаясь, шпиль Адмиралтейства.

На улицах было людно. По раскатанной мостовой шёл сплошной поток саней, не смолкали вопли «Берегись!». Извозчики покрикивали на лошадей, бросаясь из крайности в крайность: «Но-о, залётная, но-о, красавица моя душечка, а, чтоб тебя, заразу, в хвост и гриву так-растак!» По тротуарам спешили пешеходы. Шествовали, прогуливаясь, господа в дорогих шубах с высоко поднятыми брововыми воротниками – резкий ветер дул с запада, спасались. Чиновники в длинных шинелях и низко надвинутых фуражках спешили по служебным делам, роману Григорьевичу отчего-то стало их жалко. Шли аккуратные хозяйки-немки с плетёными корзинами в руках, сновали мужики в безобразно засаленных тулупах – торговали в разнос

¹⁴ желтоватая, с бурым оттенком

¹⁵ Заметим, что в нашей немагической реальности пассажирам в 19 веке не удалось бы добраться из Москвы в Санкт-Петербург за ночь, в те времена дорога заняла бы целые сутки

пирогам и истошно-зелёными яблоками, от одного вида которых становилось кисло во рту. Магазины и лавки зазывали покупателей броскими разноречивыми вывесками.

Воздух искрился, небо было светло-голубым, и столбы белого дыма тянулись к нему, деревья стояли в шапках пушистого инея.

– Красиво! – будто угадав настроение начальника, выдохнул восхищённый Удальцев, никогда прежде в петровской столице не бывавший. – Роман Григорьевич, мы надолго здесь?

– На день. Допросим мага, и вечерним поездом обратно.

На это Тит Ардалионович ничего не сказал, но вздохнул так горестно, что Роман Григорьевич рассмеялся.

– Ну, хорошо. Сегодня допросим мага, завтра осмотрим город, и тогда уж назад, вечерним поездом. Ночуем в гостинице, я знаю неплохую.

Удальцев просиял. Настроение сделалось необыкновенно радужным, и чёрная тварь, что в эту самую минуту, невидимая, бежала за ним следом, совершенно перестала беспокоить. Захотелось разговаривать.

– Роман Григорьевич, этот маг, Контоккайнен, он, должно быть, из чухонцев? Но разве среди чухонцев водятся маги?

Ивенский пожал плечами.

– Отчего же нет? Чародеи рождаются в каждом народе. Контоккайнен этот – он, скорее всего, финн, а финны очень сведущи в колдовстве. А может быть, он и вовсе *саам*, – принялся фантазировать Ивенский, тема его увлекла, – так те чуть не поголовно колдуны, и женщины их – ведьмы; они умеют управлять ветрами и говорить с духами... Как думаете, Тит Ардалионович, выйдет очень бестактно, если мы его напрямую спросим, финн он, или саам?

Вопрос оказался праздным. Ничего-то им не удалось спросить у академика Контоккайнена. Ещё издали, от угла Малой Погорельской Роман Григорьевич заметил кучку зевак, столпившихся подле невысокого жёлтого особняка с эллиническим фронтоном и двумя колоннами по бокам от входа. Заметил – и сердце его упало. Он не знал ещё, кому именно принадлежит дом, но слишком хорошо знал, что означают обычно подобные скопления народу.

– ОПОЗДАЛИ! – трагически объявил он. И не ошибся.

– Убили, убили, – тихо гудела меж собой толпа. – Ах, батюшки, страсти какие, душегубство! Срежь бела дня убили!

Р-р-разойди-ись! Р-р-разойди-ись! Па-а дома-ам! – грозно рычал вездесущий дворник, но его никто не слушал.

– Дорогу! – тихо приказал Роман Григорьевич, и народ послушно расступился.

Отстранив заступившего было дверь городского, Ивенский уверенно вошёл в дом. Тит Ардалионович прошмыгнул за ним, сердце его замирало. Он уже очень хорошо понимал, что именно они там должны увидеть. Однако, первым, что предстало их взорам, был не окровавленный мертвец, а наоборот, вполне живой и чрезвычайно бодрый молодой человек, годами немного старше Романа Григорьевича, но гораздо полнее его фигурой. Одет он был в длинное пальто с пелериной и меховыми каракулевыми отворотами. Под ним был виден костюм модного покроя, но в очень крупную клетку.¹⁶ Головным убором молодого человека, не смотря на морозную погоду, была не меховая шапка, а элегантный котелок – он держал его в левой руке. Уши молодого человека ещё не успели отогреться и имели свекольный оттенок; причёска и пышные бакенбарды были особым, художественным образом всклокочены, и Роману Григорьевичу сразу пришёл на память портрет знаменитого сыщика Эжена Видока работы Габриэля Куане. Французу на портрете было лет пятьдесят, молодому человеку – вдвое меньше, зато их лица были одинаково круглы, лбы высоки, и шейные платки они завязывали одинаковым узлом.

¹⁶ В XIX в. крупная клетка в мужском костюме считалась признаком дешёвизны и дурного вкуса

Вид у молодого человека был чрезвычайно деловой и озабоченный.

– Это ещё что такое? Вы кто такие, господа? Отчего посторонние на месте преступления? – накинулся он одновременно на вошедших и на городского, бестолково топчущегося в завешанной шубами передней (в отличие от своего московского коллеги и товарища по несчастью, пальмирский маг частной практикой не занимался, и первый этаж его дома был жилым).

Роман Григорьевич, слегка оглушенный резкими выкриками молодого человека, поспешил представиться – коротко, без чинов, только по должности.

– А-а! – разочарованно протянул молодой человек. – Господа из столицы! – похоже, он был искренне огорчён, что ему некого больше гнать вон. – Что ж, разрешите отрекомендоваться: Листунов Иван Агафонович, титулярный советник, чиновник по особым поучениям Северопальмирской сыскной полиции, и в нашей реальности, и в описываемой полиция двух столиц не была одинакова по своей структуре) – и добавил с некоторой иронией нажимая на «о», – Ваш, так сказать, кОллега. Желаете осмотреть место преступления, милостивые государи?

– Непременно, – кивнул Роман Григорьевич.

Листунов смерил его оценивающим взглядом.

– Только имейте в виду, юноши, зрелище будет не для слабонервных, а нюхательной соли я нынче не припас!

На это снисходительное замечание «коллеги» Ивенский никак не отреагировал, будто не услышал. Но Тита Ардалионовича слова пальмирского чиновника заделали за живое.

– Это ничего, ваша милость, – незаметно для себя копируя холодную улыбку Ивенского, – ответил он. – Сегодня мы с его высокоблагородием как-нибудь обойдёмся без соли. Верно, Роман Григорьевич?

– Мы очень постараемся, Тит Ардалионович, – с наигранной серьёзностью кивнул тот.

Но особенно стараться не пришлось.

Длинное, худое тело убитого мага раскинулось поперёк малой гостиной, между синим диваном и шифоньеркой, на самом ходу – через него приходилось переступать. В груди несчастного зияло маленькое круглое отверстие, как от удара стилета. Крови на полу почти не было, только вокруг самой раны по зелёному бархату старомодного шлафора¹⁷ расплылось тёмное пятно.

– Ах, какой аккуратный покойник, – нарочито громко умилился Тит Ардалионович, на этот раз он и в самом деле ни малейшей тошноты не почувствовал. – Всем бы такими быть! Не понимаю, право, к чему был разговор о соли? Неужели у пальмирских сыскных настолько слабые нервы?

– Уроженцы Северной Пальмиры издавна слывут натурами чувствительными и утончёнными, – в тон ему откликнулся Ивенский. У Листунова щёки вспыхнули алым, как у девицы, Роман Григорьевич продолжал невозмутимо. – Но знаете, Тит Ардалионович, этот убиенный решительно не похож ни на финна, ни на саама. Лично мне он больше всего напоминает турка.

– Кого? – Удивился незнакомому слову Удальцев.

– Турка. Так прежде называли османов, теперь это название не в ходу, а мне вдруг на ум пришло... Вы только взгляните на его профиль – совершенно восточный!

Тит Ардалионович покорно взглянул на профиль – до этого он в лицо мертвеца смотреть избегал, хоть и нахваливал того за опрятный вид. Действительно, внешность несчастного Контоккайнена была характерна скорее для уроженцев Османской империи, нежели для выходцев из холодного Финнмарка: удлинённый череп, покрытый чёрными с благородной проседью волосами, смуглая кожа, тонкий нос с горбинкой, миндальные глаза под красиво изогнутыми бровями.

¹⁷ Шлафор – широкий мужской халат покроя кимоно

– Надо ему глаза закрыть, что ли, – пробормотал Удальцев хрипло. – Мёртвый, а глядит...

– Лучше не трогайте пока ничего, оставьте как есть, – посоветовал Ивенский. – Ведь мы ещё даже не осмотрелись.

Тит Ардалионович попятился. Предложение его было чисто формальным, он и в мыслях не имел прикасаться к покойнику сам: вот ещё, страсти какие! А Ивенский – ничего, прикоснулся.

– Да, убит совсем недавно, тело ещё не остыло. Знаете, мне представляется теперь, что отцом его был финн, а мать – родом из южных краёв, с Кавказа, к примеру. Говорят метисы особенно склонны к колдовству, – сочинил новую гипотезу Роман Григорьевич. Он нарочно болтал всякую чепуху, ему был занятно наблюдать за реакциями пальмирца, крепнущего во мнении, что приезжие сыскные отличаются легкомыслием и скудоумием. Что ж, пока это к лучшему.

– Иван Агафонович, вы уже распорядились опросить зевак у входа, вдруг кто-то из них заметил что-то подозрительное? – Окликнул он громко. Листунов не удостоил его ответа, только взглянул снисходительно. «Ещё поучи меня работать!» – читалось в его взгляде. Но приезжего это не обескуражило, он продолжил свою тираду, адресуясь к младшему, видно, ещё более недалёкому спутнику. Только теперь он говорил вдвое тише, и Листунову, демонстративно-отстранённо изучавшему содержимое секретера покойного (на его счастье, не заговорённого), слов стало не разобрать. – Впрочем, вряд ли. Думается, убийца действовал прежним способом: явился-убил-исчез. Жаль, пыли маловато, нет чётких следов. Дня три не прибирались, не дольше...

– Разве это был один и тот же убийца? – удивился Удальцев. – Но *почерк*... – он лихо вернул колоритное сыскное словечко, – ...почерк совсем разный! На Боровой всё было в крови, а здесь чисто. И оружие другое.

– Вот именно, – кивнул Роман Григорьевич. – Оружие – единственное отличие. Но поставьте себя на место убийцы. Первый раз вы, по неопытности, орудовали саблей или ятаганом: набезобразничали в комнате, наследили, сами забрызгались кровью по уши – разве приятно?

– Нет! – экспрессивно вскричал юноша, очень уж живо представилась ему эта картина. Даже демонстрирующий безразличие Листунов обернулся на возглас. – Отвратительно!

– Поэтому-то для второго убийства вы постараетесь выбрать оружие менее кровавое, с колющим лезвием: шпагу, стилет, мизерикорд какой-нибудь. Кортик, на худой конец...

Удальцев на миг задумался.

– А почему не обычный нож? Я бы лучше нож взял...

– Да, но вы же не соседа-лавочника грабить собрались, – возразил Роман Григорьевич в свойственной ему манере, чрезвычайно импонировавшей Удальцеву: поучает, как старший младшего, но без обидной снисходительности, вроде бы, просто соображениями делится. – Убить мага – дело нелёгкое, тут и оружие нужно особенное, заговорённое, а то и выкованное специально. Убийцы магов всегда используют благородные клинки. Кто же станет накладывать чары на простой разбойничий нож? Они и не лягут на него.

– Почему не лягут? – искренне заинтересовался Удальцев; он был рад отрешиться от кровавых картин, занимавших его воображение, поговорить о другом.

– Не знаю, – честно признался Ивенский. – Я же не маг. Вот вернёмся в столицу – съездим в наше старое Отделение, спросим у Иван Ярополковича, он растолкует.

– А почему не у Аполлона Владимировича из Канцелярии? – полюбопытствовал Удальцев.

Роман Григорьевич болезненно поморщился.

– Не нравится он мне. Наверняка, не захочет ничего объяснять, да ещё и посмеется над нами. Кстати о магах... Иван Агафонович, я бы настоятельно не рекомендовал вам прикасаться

к дверцам мебели убитого! – окрикнул он, и как раз вовремя. Листунов, покончив с содержимым секретера, сводившимся к чисто деловой переписке, студенческим работам и счетам, уже подбирался к подозрительно приоткрытой, не запертой на ключ шифоньерке.

Пальмирец не без ехидства усмехнулся.

– Изучать место преступления, ни к чему не прикасаясь – это что-то новое в сыскной практике! Неужели в Москов-граде научились зрить сквозь дерево?

Увы, пока не научились, – отвечал Ивенский в тон, ему надоело разыгрывать роль легкомысленного юнца; самоуверенность «коллеги» начинала раздражать. – Зато выработали полезное правило, спасшее не один десяток жизней: когда работаешь в доме мага, следует соблюдать осторожность. Зачастую его имущество оберегают охранные чары: одно неосторожное прикосновение – и вы покойник. Мы не выходим на место преступления без специального амулета, позволяющего распознать присутствие магии, но и он не всегда помогает, – роман Григорьевич невольно потёр правую руку. – Разве в штате вашего отделения нет колдуна?

– Не предусмотрен, – буркнул Листунов уязвлено. – У нас тут, знаете ли, давно уж не столица. Жизнь провинциальная, тихая, магов убивать не заведено. Накладывать чары на шифоньерки – тоже... – он потянулся к дверцам, но Роман Григорьевич резко отвёл его руку. Заговорил очень холодно.

– Послушайте, милейший. Жить или не жить – это ваше личное дело, но мне бы очень не хотелось осматривать ещё и ваш труп, в дополнение к первому! Удальцев, будьте добры, возьмите что-нибудь живое... да вон тот фикус, хотя бы, швырните в шкаф. Только осторожнее, чтобы вас не задело! Сейчас, мы с Иваном Агафоновичем отойдём... В сторонку, Иван Агафонович, будьте добры, – тот нехотя посторонился.

Наученный горьким опытом, Удальцев отломил от растения сочную макушку, и, аккуратно прицелившись, издали кинул в щель между дверцами...

Вспышка, грохот, зелёные брызги, вопль перепуганного городского...

Белый до синевы Листунов мешком свалился на диван, но тут же вскочил, как ужаленный.

– Накладывать защитные чары на мягкие мебели обычно не принято, – устало заметил Роман Григорьевич. – Присаживайтесь, не бойтесь.

Тит Ардалионович был уверен, что посрамлённый пальмирец присмирееет, станет вести себя проще, без прежнего апломба. Однако, тот удивительно быстро восстановил присутствие духа, и даже перешёл в наступление.

Что ж, господа, ваша осведомлённость в магических делах впечатляет, должен признать, она спасла мне жизнь. Но это же истораживает. Будьте добры объясниться. Академик убит совсем недавно. Вчера вечером он был жив и здоров, но вы уже выезжали из столицы к месту ещё не состоявшегося убийства. Что это – дар предвидения? Или... – он сделал многозначительную паузу, – есть какая-то иная связь?

Ивенский улыбнулся обезоруживающе:

– Полно вам, Иван Агафонович, мы ничего не знали заранее, и рассчитывали переговорить с *живым* Контоккайненом по поводу аналогичного преступления, случившегося накануне в Москов-граде. О новом преступлении мы узнали, только подъехав к дому.

– Да? – смягчился Листунов. – Что ж звучит убедительно. Но вы должны мне рассказать о московском деле, это может помочь следствию.

– Непременно, – обещал Ивенский. – Но прежде скажите. Вы вчера должны были получить телеграмму с распоряжением приставить к дому покойного охрану. Нельзя ли допросить этого охранника? Он жив, вы сегодня видели его?

– Если бы! – вскричал молодой человек с досадой. – Телеграмма действительно была, и начальник нашего отделения, Семёнов Афанасий Дмитриевич, вчера вечером лично встре-

чался с покойным по этому поводу. Но Контоккайнен от охраны отказался категорически: ногами топал, кричал, что никому не позволит за собой следить. Форменную истерику устроил – я сопровождал его высокоблагородие и сам был тому свидетель... Обошёлся с нами, к с дворовыми мужиками, только что палкой не велел гнать! И вот вам результат! – он картинным жестом указал на труп.

Ивенский поморщился.

– Так приставили бы наружную, негласную охрану, всё лучше, чем ничего.

Листунов развёл руками.

– Увы. Его высокоблагородие был очень зол вчера после встречи с магом. Он сказал: «Не желает – не надо, пусть пропадает, если на то его воля. Плакать никто не станет». Дело в том, что академик грозился обратиться к нему в жабу.

Роман Григорьевич удивлённо поднял бровь.

– Вот как? Суровый, однако, нрав был у покойного. Пожалуй, не стану докладывать в столицу о вашем промахе. Напишем: наружный страж ничего подозрительного не заметил. Под наружным стражем будем понимать дворника – вы предупредите его.

– Непременно предупредим, – Листунов взглянул на приезжего чиновника с благодарностью, похоже, лёд в их отношениях начинал подтаивать, завязался диалог.

– Кто же обнаружил тело?

– Студент, некто Илларион Пятницкий. Академик хворал третий день, и юноше поручено было принести ему неотложные бумаги с кафедры. Отопнул дверь своим ключом, увидел труп, доложил дворнику.

– У студента имелся свой ключ? Что же, он был доверенным лицом академика?

– Ни в коей мере. Для подобных случаев покойный нарочно оставлял ключ на кафедре. Не любил, чтобы его беспокоили стуком – причуда такая. Студента, на всякий случай, задержали, свезли в отделение – позже можно будет допросить.

– Прислугу покойный держал? Ученики были?

– Только студенты, личных учеников не держал. Прислуга проходящая, да и она...

– ...Пропала пару дней назад, – закончил фразу Ивенский.

– Пропала. По слою пыли догадались? Похвально. Умение наблюдать – главное в нашем деле. А также умение сопоставлять факты, делать выводы и без излишней чувствительности вести допрос. Записки Видока читали? – и, не дождавшись ответа, – Ознакомьтесь непременно! Чрезвычайно полезное чтение.

– Не премину, – обещал Роман Григорьевич, давно и прекрасно знакомый с литературным творением знаменитого французского сыщика. – Вы распорядитесь, чтобы тело поискали среди замёрзших бродяг... Тит Ардалионович, вот вам и лишнее подтверждение схожести двух преступлений! Эх, как бы нам всё-таки в эту шифоньерку заглянуть? Я не уверен, что чары полностью обезврежены фикусом.

Постепенно они скормили опасной шифоньерке весь фикус целиком, на последнем куске она окончательно перестала вспыхивать и плевать зелёным. Но всё равно, было страшновато: к растению попривыкла, а с человеком как себя поведёт? Тит Ардалионович хотел совершить акт самопожертвования, испытать на себе – Ивенский и думать запретил, сказал, если Удалцев попытается – он лучше сам его убьёт, чтоб не мучился. Тогда Листунов предложил неуверенно:

– Может, приказать, чтобы кошку изловили? Или п-пса какого пусть приведут? – на «псе» он слегка заикнулся.

– Кошки не боятся никаких чар, сквозь самую сложную защиту пройдут невредимыми, – возразил Роман Григорьевич, втайне радуясь за кошек, он их любил, – для нас они не показатель. А как вы будете убеждать незнакомого пса открыть дверцу – не представляю... Давайте поступим иначе, – с этими словами он решительно направился к выходу.

Толпа зевак возле дома заметно поредела – разогнал не столько дворник, сколько мороз. Но особо стойкие из числа любопытствующих ещё толклись вокруг – ждали, когда покойника будут выносить. Были среди них и лица заинтересованные. Семеро оборванных и грязных мужиков с синюшными рожами и красными носами нарочно караулили – вдруг допустят подсобить, да кинут потом копеечку на водку? За помин, так сказать? К ним-то и обратился Роман Григорьевич.

– Эй, любезные! Работа имеется, чрезвычайно опасная. Плачу сто рублей.

У пьяниц алчно разгорелись глаза.

– А делать что надо, барин?

– Открыть заколдованную дверцу. Может на месте убить, может не сразу, а в несколько дней. А может не убить вовсе.

Глаза поугасли. Ну, как – боязно! Кому охота помирать, да ещё от колдовства? Да ведь и сто рублей на дороге не валяются, в жизни таких деньжищ не видывали, хоть в руках подержать напоследок...

– Барин, – окликнул один, тощий и чёрный, с козлиной всклокоченной бородёнкой, – а коли порешит меня на месте, семействе моей деньги отдашь?

– Двести рублей пошлю твоей семье, – обещал Ивенский твёрдо, и Удалыцев украдкой вздохнул – за двести рублей он и сам рискнул бы, пожалуй, если бы разрешили.

Мужик сорвал с головы шапку, разудалым жестом швырнул оземь.

– А, была не была, двум смертям не бывать... Веди, барин! Чегой отворить нужно?

Привели.

– Эту, что ль? А посторонись!

Мужик попался отчаянный – долго собираться с духом не стал, сходу рванул дверцу... Собравшиеся замерли в ожидании ужасного...

Не произошло ровным счётом ничего. Ни вспышки, ни грохота, ни крика... Израсходовала свои чары колдовская шифоньерка, даром потратил Роман Григорьевич личные сто пятьдесят рублей. Пятьдесят он дал мужику сверху – за лихость.

– Держи вот. Да домой-то донеси хоть половину, не пропей дорогой.

Едва получив деньги в трепещущие руки, мужичонка растерял всю свою удаль, принялся подобострастно кланяться.

– Ай, благодарствуйте, барин! Донесу, донесу, как можно-с не донести!

И кланясь, задом, задом удалился.

– Не донесёт. Сейчас с дружками в ближайшем кабаке просадит. А что останется – они же и отберут, – вздохнул Ивенский, ничуть не жалея денег, но жалея «семейству» пьяницы, – он обернулся к городовому. – Велите хоть дворнику, пусть проследит, чтобы до дому шёл.

– Слушаюс-с! – городской решительно не видел причины, по которой должен возиться со всякой рванью, но перечить столичному начальству не смел.

Итак, зловещая шифоньерка стояла широко распахнутая и радовала глаз мирным своим видом. Тит Ардалионович смотрел в её заставленное магическими вещами нутро и думал: что же получается? Грош цена всем этим магам-академикам и их хвалёным охранным чарам, если любой может снять их снять, проявив некоторое терпение и настойчивость, и запасшись нужным количеством фикусов?

И дёрнула же его нелёгкая задать этот вопрос вслух при Листунове!

– Юноша! – голос пальмирца был полон экспрессивной укоризны. – Да неужто вы и впрямь воображаете, будто мы сняли охранные чары фикусом? Нет, нет и ещё раз нет! Это сделал за нас убийца, судя по всему, не менее опытный маг, чем его жертва. Мы же устранили, всего-то на всего, следы тех чар! Остаточные явления, не более того! А вы придумали – чары, фикус! – он никак не желал успокоиться, отвязаться от этого окаяннго растения. – Право, ну что за молодежь пошла? Чему её только учат? И главное, как принимают на службу в сыск? С

такой подготовкой нужно сидеть в присутствии, бумаги переписывать набело красивым почерком, а не злодеев ловить!

Удальцев нахмурился, обидно стало чуть не до слёз. Подумалось: вот Роман Григорьевич никогда бы так не поступил, он умеет вести себя деликатно.

Да, Роман Григорьевич это умел.

– Что ж, нельзя объять необъятное, – заметил он как бы между прочим. – Тит Ардалионович – большой знаток по части колдовства народного, простого. Академическая магия – не его профиль, только и всего. Вот погодите, Иван Агафонович, столкнёмся с каким-нибудь знахарем или ведуном из лесной глуши – придёт черёд господина Удальцева смеяться над нашим невежеством.

Тут упомянутый господин Удальцев чуть снова не прослезился, на этот раз от умиления и благодарности...

Но вернёмся к содержимому шифоньерки. С первого взгляда было ясно, что злоумышленник приложил к нему руку. Пыльных отпечатков на полке не осталось, зато осталась пустота, по ширине соответствующая предмету примерно той же величины, что был похищен у Понурова.

А больше ничего полезного на месте преступления обнаружить не удалось, хотя господин Листунов ещё долго шарил по всем комнатам, ползал по полу с глубокомысленным видом и складной лупой в руке: собирал какие-то пылинки да ворсинки, раскладывал по конвертикам и многозначительно бормотал себе под нос: «Та-ак, та-ак... А это у нас что? А вот оно!» Титу Ардалионовичу было до страсти интересно, что же он там откопал, но из гордости он не спрашивал, Роман же Григорьевич никакого интереса к изысканиям коллеги не проявлял, сидел на диване со скучающим видом и листал ежедневник убитого, тут же, на полке хранившийся. Но и в нём не содержалось ровным счётом ничего, способного пролить свет на трагические события последних дней – только расписания лекций, памятные даты, списки покупок, суммы доходов, расходов, пожертвований на благотворительность и тому подобная рутина.

Наконец, Иван Агафонович счёл свой служебный долг в полной мере исполненным, и они покинули дом мага Контоккайнена. Роман Григорьевич был рад его оставить. Удивительно старомодная обстановка комнат, их душный и спёртый, пропахший сухими травами и химикалиями воздух и резкий белый свет, бьющий в незашторенные окна, действовали на него угнетающе. Очень хотелось уйти прочь как можно скорее, жаль было и себя, и Удальцева, томившегося бездельем и близостью мёртвого тела. Но пришлось ждать Листунова: вызвался проводить их в здешнее Оккультное собрание, а сам погряз в каких-то нелепых поисках, изображая из себя эдакого Огюста Дюпена – правда, тот, кажется, не пользовался лупой. Ивенский уже почти растерял остатки терпения и собирался объявить об этом во всеуслышание, когда пальмирец соизволил-таки подняться на ноги с колен, спрятал в карман свою ужасную лупу и послал городского за извозчиком.

Ах, какое это было облегчение – вырваться из душного, могильного плена комнат на свежий морозный воздух! От удовольствия Тит Ардалионович даже замурлыкал себе под нос легкомысленную гусарскую песенку времён Отечественной двенадцатого года, но умолк под косым взглядом Листунова.

Снег искрился в солнечных лучах, ветер дул в спину. Сани весело неслись по Петровскому проспекту мимо перекрёстков и каналов, мимо дворцов и домов, магазинов и лавок, мимо прогуливающихся горожан и жарких костров. За санями неотступно, большими прыжками, неся невидимый зверь. Удальцев помнил про него, но страху не было – светло, людно, чего же бояться?

В Собрании, как на грех, было пусто – не любили господа-маги ярких утренних часов.

– Они теперича до самого вечера не явятся, – охотно растолковал швейцар, удивительно молодой для такой должности мужик, ему бы землю пахать или баржи грузить, а не двери отворять. – Вот как смеркаться станет, тут и съедутся, коль мороз позволит. А вы, *ваши превосходительства*, – привычно польстил он, – ежели ждате не желаете, так и езжайте прямо домой к его милости, Козьме Митрофанычу, предводителю магического общества. Они сами так велели: «Буде кто спрашивать из полиции – пусть прямо ко мне следуют, приму». Да тут недалеко, на Мойке, возле Мытного двора, собственный дом господина Зимина, вам любой покажет.

Вот так! Предвидел, что ли, господин предводитель их визит? Или просто догадался, в свете московского события?

«Верно, среди магов вовсе не принято держать слуг» – решил Тит Ардалионович, когда хозяин лично отворил им дверь. Отворил, да и застыл на пороге, руками замахал.

– Ай! Ай! Не пуцу! С животным не пуцу! Это ваше животное? Уберите немедленно! Пфуй, гадость какой! – отчего-то Зимин Козьма Митрофаныч говорил, точнее, кричал с заметным германским акцентом.

Забавно было наблюдать, как испуганно оглядывается, а потом пятится в полнейшем недоумении господин Листунов. Поскольку никаких животных, даже самой плохонькой кощёнки или дворняжки в поле зрения не наблюдалось, он пришёл к логическому выводу, что хозяин дома, как говорят в народе, рехнулся. В какой-то момент Иван Агафонович даже заподозрил, уж не его ли самого маг обозвал «гадостью»? Просто стоял он за спинами московских гостей, а дальше был только пустой двор. Но к его величайшему изумлению, Ивенский на вопли мага отреагировал очень буднично, и от этого ещё более странно:

– Нет, – ровно и терпеливо ответил он, – это не наше животное, мы бы и рады его убрать, но не можем. Оно... как бы точнее выразиться? Не наше, но *состоит при нас*. Приставлено для слежки, кем-то из ваших товарищей по цеху. Да вы не беспокойтесь, оно смирное, и в помещения не лезет... кажется.

Ивану Агафоновичу стало казаться, что он сходит с ума. Он был решительно не в состоянии уразуметь, о каком животном идёт речь.

– Оно невидимо на свету, – сжалившись, растолковал Ивенский. – Чёрная гончая – слышали о такой твари?

– Слышал, – прошептал Листунов, холодея от мистического ужаса. – Она что, здесь? И всё время была рядом с вами?!

– Да, уже несколько дней следом ходит, – с демонстративным легкомыслием подтвердил Удальцев. – Это вы её живую ещё не видели, ваша милость! Вот, доложу я вам, страшилище! Но ничего, мы с Романом Григорьевичем уже привыкли к такому соседству. Верно, ваше высокоблагородие?

– Человек ко всему может привыкнуть, – откликнулся тот философски.

Господин Зимин смягчился:

– Ну, если вы не желаете звать это с собой, само он в мой дом не войти. Прошу, господа! Чем обязан визитом? – германский акцент его то усиливался, то исчезал самым непредсказуемым образом.

Миновав анфиладу из пяти богатых комнат, с большим вкусом обставленных в стиле загородной усадьбы, хозяин провёл визитёров в кабинет, усадил на диване.

– Я полагал, вы хотите говорить о безвременной кончине наш премногоуважаемый господин Понурофф? – это прозвучало не без скепсиса.

– Не только, – возразил Роман Григорьевич. – В данный момент нас больше занимает безвременная кончина господина Контоккайнена.

– Что-о?! – маг подался вперёд, выражение иронии на его приятном круглом лице уступило место изумлению. – Контоккайнен мёртв?! Как это случилось, господа? Когда? – акцент пропал совершенно.

– Поутру заколот в грудь острым предметом, – проинформировал Листунов официальным тоном. – Имеете ли вы что-то сказать по этому поводу?

На несколько мгновений в комнате повисло молчание. Потом Зимин сказал резко:

– Только не ждите от меня слов сожаления, господа сыщики! Покойник был большой плут, не тем будь помянут, и характером обладал прескверным.

– Это мы заметили, – не удержавшись, буркнул себе под нос Иван Агафонович. Хотел задать следующий вопрос, но Ивенский его опередил, спросил уклончиво:

– Вам известно о предполагаемом участии господина Контоккайнена в некоем... гм... транспортном прожекте? – ему пока не хотелось излишне информировать Листунова.

Зимин усмехнулся зло:

– Ха! Ещё бы не известно! По поручению из столицы мы в нашем обществе провели честный конкурс на замещение вакантной должности при Министерстве путей сообщения – скажем прямо, очень выгодной должности. Выдвинули трёх кандидатов из числа победителей. В положенный срок подали их бумаги в министерство – и что же? Спустя несколько дней стало известно, что к прожекту будет привлечён академик Контоккайнен, даже не участвовавший в конкурсе! Вы считаете это справедливо? Нет, я ничего не хочу сказать, Контоккайнен – сильный маг. Но транспорт – это же совершенно не его сфера, он работал в области предикторики и астрологии!.. И знаете, что я вам скажу? – продолжил он после секундной паузы. – Возможно, вы сочтёте меня плеебем, вульгарным сплетником, но истина для меня выше мнения окружающих. По слухам, академик Контоккайнен приспал эту должность с одной весьма и весьма влиятельной вдовой!

– Правда?! – по-детски удивившись, не удержался от возгласа Удальцев. Ему вспомнилась отталкивающая внешность покойника, и подумалось: неужто такая влиятельная дама не могла подыскать себе более достойного аманта? По молодости лет он ещё не знал, что про таких, как Контоккайнен говорят «магнетическая личность», и магнетизм этот весьма привлекателен для дам средних лет.

– Насколько правда – не берусь судить. Но слухи такие ходят, и подозреваю, что они не беспочвенны! – ответил маг торжествующе.

Но Роман Григорьевич частная жизнь покойника не заинтересовала.

– Скажите, господин Зимин, – обратился тихо, – кто победил в вашем конкурсе? Кто получит заказ теперь, после гибели Контоккайнена? Вы можете назвать имена?

Маг бросил на него короткий злой взгляд и сделался вдруг удивительно похож на своего московского коллегу Кнупперса.

– Извольте. Гроссмейстер Филиппов, гроссмейстер Штосс и ваш покорный слуга. Желаете арестовать немедленно, или позволите сделать нужные распоряжения?

– Ах, что вы, Козьма Митрофанович, мы не только не собираемся вас арестовывать, но пока даже не имеем оснований подозревать кого-то из вас троих, – улыбнулся Ивенский, но что-то зловещей получилась эта улыбка. – Поэтому очень вас прошу, не *сажайте* нам на хвост вторую гончую, боюсь, как бы они не передрались!

– И в мыслях того не имел! – поспешно возразил Морозов, кося глазом.

– Вот и прекрасно! Тогда, если у господина Листунова нет своих вопросов, разрешите откланяться!

У Листунова вопросов не было: напоминание о гончей, наверняка ожидающей свои жертвы под дверью, ввергло его в состояние лёгкого ступора. Дело в том, что бедный Иван Агафонович панически боялся даже самых обычных, видимых глазом собак. Чего уж говорить

о невидимых! А мимо внимания Удальцева не прошло то, что о пропаже неизвестного предмета Роман Григорьевич снова не упомянул.

Столь желанная для Тита Ардалионовича экскурсия по славному граду Петра не состоялась. От дома мага Зимина сразу поехали в сыскное отделение – представиться местному начальству. Его высокоблагородие, господин Семёнов Афанасий Дмитриевич, обращал на себя внимание воистину богатырским телосложением. Лишись он, по злой воле судеб, службы и положения своего, или родись в семье простого мужика – легко мог бы добывать на жизнь, демонстрируя чудеса силы на площадях и ярмарках. «Эх, и здоровенная бы из него получилась жаба!» – мелькнула забавная мысль, и Роман Григорьевич чуть не рассмеялся в самый неподходящий момент – его высокоблагородие как раз пожимали руку «столичному гостю» с риском если не оторвать её, то расплющить.

По окончании формальностей, снова взялись за дело: побывали в Оккультной Академии, где служил покойный, побывали в северопальмирском отделении министерства путей сообщения – новая должность в Особой канцелярии давала Роману Григорьевичу большие преимущества, позволила обойтись без бумажной волокиты... Что нового узнали? Да ничего ценного. В Академии о прожете не знали вовсе, Контоккайнен в отставку не подавал. Высокопоставленные транспортные чины персону мага оставили без внимания, в тонкости её назначения не вникали. Один маг, другой маг – какая, по большому счёту, разница? Что? Убили? Ах, какой ужас, в наш-то просвещённый век! Ну, ничего, нового пришлют, тем более, что договор ещё не был подписан. Мало ли магов в Северной Пальмире!

Продрогнув в санях, вернулись в отделение, занялись допросом студента Иллариона Пятницкого. Тот оказался натурой экспрессивной: скакал по допросной, размахивал руками и гримасничал, изображая в лицах, как именно был обнаружен труп. От зловещей находки своей и от роли свидетеля он, похоже, пребывал в полнейшем восторге. С одобрения Романа Григорьевича, Листунов приказал его отпустить, но тот ушёл не сразу, всё порывался начать свой рассказ сначала – еле выдворили вон.

Едва избавились от докучного свидетеля – в кабинет вихрем ворвался его высокоблагородие, господин Семёнов лично! Вид у него был всклокоченный, глаза ошалелые.

– Скорее, скорее, господа! Его превосходительство, обер-полицмейстер Северной Пальмиры, господин Тутчев,¹⁸ желают видеть следователей по делу убиенного Контоккайнена лично и немедленно! Едемте, господа!

Ехали на двух санях. Впереди Афанасий Дмитриевич в собственном одноместном экипаже (очень сокрушался, что не нашлось в нём места для Романа Григорьевича, даже своё хотел уступить – еле отговорил). Позади, на извозчике, остальные. Настроение же Ивана Агафоновича было чрезвычайно возбуждённым и приподнятым – ведь не каждый день простых чиновников вызывают к такому высокому начальству! Ивенский с Удальцевым чувствовали себя вялыми – длинный день начинал утомлять, лежали на сидениях под овчинной полостью, как два куля, уже и по сторонам почти не смотрели, и разговор не клеился. Только на Петровской площади Тит Ардалионович оживился при виде знаменитого памятника императору. Впечатлило его не столько величие скульптуры, сколько одна странность, бросившаяся в глаза: и легендарный гром-камень, служащий постаментом, и бока взвившегося на дыбы коня были испещрены множеством непонятных закорючек, нанесённых красной и белой краской. Кроме того, от задних его копыт и хвоста к вбитым в мостовую железным тумбам тянулись длинные

¹⁸ В нашей реальности эту должность в середине XIX в. занимал Трепов Фёдор Фёдорович, ставший позднее градоначальником Санкт-Петербурга. Между этой однозной исторической личностью и действующим в описываемой реальности Тутчевым Михаилом Евграфовичем нет решительно никакого сходства, единственное, что их объединяет – это должность.

якорные цепи. Ни на одной из гравюр с изображением известной скульптуры Удалыцев не видел этого безобразия!

– Зачем же его так изрисовали? – разочарованно воскликнул он. – И к чему эти цепи?

Иван Агафонович снисходительно улыбнулся невежеству юноши.

– Видите ли, милейший Тит Ардалионович, сделано это без злого умысла, исключительно по необходимости. Это не просто рисунки, а особые магические символы. Дело в том, что монумент сей издавна имеет одно пренеприятнейшее, если не сказать, опасное свойство: в бурные осенние ночи он покидает пьедестал и рыщет по городу, до смерти пугая обывателей. То ли злой дух в него вселился, то ли ещё какая напасть... Да вы полюбопытствуйте, у Пушкина-Ганнибала Александра Сергеевича, «Медный Всадник» называется – там подробно описано...

«Интересно, – подумал Ивенский с раздражением, – если речь однажды зайдёт о баснях Лафонтена или, к примеру, грамматике Кирпичникова – он тоже посоветует нам непременно с ними ознакомиться?»

А Листунов продолжал ораторствовать:

– В былые времена народ был тише, умел терпеть. Но в последние годы горожане стали жаловаться и роптать, а купеческая гильдия обратилась с прошением вовсе убрать Всадника из Пальмиры, потому как особенно часто нападает он на торговое сословие, реже – на мелких чиновников. Ну, просьбу их городские власти удовлетворить не могли – всё-таки монаршей особе, основателю города памятник, не кому-нибудь. К счастью, был найден иной, менее радикальный выход. Теперь в начале октября на монумент накладывают особые чары, привязывающие его к камню, и дополнительно фиксируют цепями. По весне же охранные символы смывают щётками, и Медный Всадник радуется глаз своим первозданным видом! – закончил Листунов с таким торжеством, будто он лично нашёл управу на беспокойную статую.

– Оригинальное решение, – сказал Роман Григорьевич из вежливости. На самом деле говорить не хотелось ничего, хотелось спать – бессонная ночь в поезде дала о себе знать.

А Листунова, на грех, разобрало: решил просветить приезжих, как следует вести себя на приёме у господина обер-полицмейстера. Принялся внушать, что стоять надобно смирно, опустив очи долу, если спросят – говорить тихо и почтительно, пока не спросили – помалкивать. И главное – не высказывать вперёд старшего по чину, его превосходительство этого страсть как не любит... Иван Агафонович говорил, говорил, Ивенский с Удалыцевым кивали на манер китайских болванчиков... Ох! Приехали, наконец!

Сани остановились перед внушительным зданием Северопальмирского Управления градоначальства и полиции.

– Кажется, дом убитого где-то неподалёку? – Тит Ардалионович сориентировался по шпилю Адмиралтейства.

– В квартале отсюда, – подтвердил Листунов. – Идёмте же, господа! И помните, о чём я вам говорил!

Впрочем, и четверти часа не прошло, как бедный Иван Агафонович понял, что все его поучения были напрасны. Не стал их превосходительство, господин обер-полицмейстер дожидаться, пока приезжий агент заговорит с ним тихо и почтительно. И спрашивать ничего не стал. Просто с порога сгрёб того в охапку, прижал к обширной груди.

– Роман Григорьевич! Душа моя! Сколько зим, сколько лет! Вырос-то как, а! Ведь я тебя, родной ты мой, последний раз в мундире Пажеского видел, мальчиком совсем! А нынче! – он чуть отстранил гостя, будто желая его получше рассмотреть, и отеческим жестом взъерошил его волосы. – Ну, разве не молодец?

Вопрос этот был обращён в пространство, но трое присутствующих с перепуга дружно закивали, дескать, да, да, конечно, молодец! Впрочем, господин Туччев в их сторону и не смотрел, продолжал умиляться.

– У нас много судачили, удивлялись, когда ты по полицейской линии пошёл. А я всем говорил, и отцу твоему, Григорью Романовичу писал: не препятствуй, друг мой! Настоящий человек себя в любом деле проявит, а дело у нас нужное, государственной важности дело! Верно, я говорю?

– Верно, верно, – зашелестели трое.

А Михаил Евграфович перебил сам себя.

– Но что мы всё о деле да о деле? Рассказывай скорее, как сам, как батюшка твой поживает? А главное – как здоровье...

– ...тётушки Аграфены Романовны! – без всякого почтения, со смехом перебил высочайшего начальника Ивенский.

– И-менн-но! – благодушно подтвердил его превосходительство.

– Ах, Михаил Евграфович, в последнее время столько народу интересуется её здоровьем, что даже будь она, тьфу-тьфу, не накаркать, больна, то уже непременно поправилась бы от такого сердечного участия!

Обер-полицмейстер удовлетворённо кивнул.

– Стало быть, здорова драгоценная Аграфена Романовна! Вот и славно!.. Но что это ты, милый мой, какого-то «Евграфовича» выдумал? Зови меня как обычно, дядя Михаил, не то огорчусь!.. И вот что скажи. Этот хлыщ из Министерства путей сообщения, как бишь его...

– Алексеев Модест Владимирович, – подсказал Ивенский.

– Вот-вот, господин Алексеев. Так он всё ещё вьётся около неё? Не отстал? – осведомился Тутчев с неприязнью тем более необъяснимой, что сам он имел и супругу законную и пятерых детей. – А, можешь не отвечать! По глазам вижу – вьётся! Ведь мы с ним стрелялись раз из-за неё, из-за тётушки твоей. Не знали, что она, бедняжка, давно просватана за старика... И Алексеев, выходит, обошёл-таки меня – дождался её, а я вот не дождался. Э, да что теперь говорить, время вспять не повернёшь... Смотри-ка, вечер на дворе, едем ко мне ужинать! Уж как Анна Павловна будет рада – она ведь тебя маленького на руках качала... А, господа! – только тут он вспомнил о посторонних, тихими тенями маячивших у входа. – Илья Дмитриевич, из сыскного, второго тоже где-то видел... А третий, молоденький – при тебе состоит? Помощник? Ну, и его бери с собой! Ужинать, ужинать, возражений не принимаю.

Описывать это ужин мы не станем – обычный домашний ужин в кругу большого семейства, встреча добрых друзей, почти что родных. Охи-ахи-поцелуи, дамские слёзы, старые воспоминания. Тит Ардалионович чувствовал себя лишним, но деваться было некуда. Ну, хоть поел хорошо – только за столом и понял, как сильно проголодался за этот бесконечный день.

Отужинавших гостей принялись оставлять ночевать. Но тут, по непонятной для Тита Ардалионовича причине (сам он уже готов был заснуть где угодно – хоть в доме самого обер-полицмейстера, хоть в дворницкой) Роман Григорьевич, как образно выразились его превосходительство, «уперся рогом». Ночуем в гостинице, всё тут! Михаил Евграфович поспорил-поспорил и рукой махнул:

– Весь в отца! Это у вас фамильная причуда! Его тоже никогда не оставишь в гостях... Васька! Прикажи господам сани подать!

Роман Григорьевич рассмеялся:

– Какие сани, дядюшка Михаил! Нам только дорогу перейти!

– Ах, верно, – спохватился тот.

Проживал господин обер-полицмейстер Тутчев почти напротив гостиницы «Российская». всего-то в паре сотен шагов... На всю оставшуюся жизнь запомнил Тит Ардалионович эту пару сотен шагов. Зимой темнеет рано, на севере – особенно. В Петровской столице уже несколько часов царил глухая НОЧЬ.

Свет фонарей не мешал её видеть: огромная – из вагона казалась меньше, нелепая и омерзительная. Чёрная тень на четырёх длинных, как жерди, ногах. Голова опущена, пасть оскалена, шерсть на загривке дыбом...

– Роман Григорьевич, – простонал Удальцев жалобно, – зачем мы не остались в доме его превосходительства?!

– Вы хотели, чтобы я оставил ЭТО на ночь в доме лучшего друга моего отца? А если оно приносит несчастье? – от этих слов бедному юноше сделалось ещё хуже.

– Роман Григорьевич, – взмолился он в полном отчаянии, – вы говорили, оно не заходит в дома!

– Говорил. А вдруг всё-таки заходит? Идите вперёд, не оглядывайтесь. Давайте делать вид, будто её нет вовсе.

Таким образом, обманывая не то жуткого преследователя, не то самих себя, перешли дорогу. Остановились у дверей «Российской». Призрачная тварь смрадно дышала им в спину... или так шутило разыгравшееся воображение? Не могут же призраки дышать?

Роман Григорьевич постучал. Дверь гостеприимно распахнулась... А-а-а! – истошно заорал швейцар и шарахнулся назад, не забыв при этом захлопнуть дверь. Они остались посреди ночной улицы, один на один с чудовищем.

– Нет, – сказал Роман Григорьевич, поворачиваясь к твари лицом, – это ситуация определённо начинает меня нервировать! – он взглянул прямо в морду твари, в её мутно-белые, словно фосфоресцирующие, без зрачков глаза. – Послушайте меня, господин Кнупперс!

Словно отвечая на призыв Ивенского, тварь широко расставила ноги, вытянула шею, приблизила к его побледневшему лицу узкое рыло. Удальцев от ужаса вжался в стену, а Роман Григорьевич продолжал, как ни в чём не бывало:

– Я настаиваю, чтобы вы немедленно отозвали от нас своё животное! Дальнейшее его присутствие будет расцениваться как незаконная попытка вмешательства в дела следствия с целью препятствования таковому, и караться по закону...

Тварь оскалилась, глаза зло полыхнули. «Это мы ещё посмотрим, кто кого покарает» – читалось на её отвратительной морде.

– И не рассчитывайте, что вам сойдёт с рук убийство агентов Особой канцелярии. О вашей, с позволения сказать, деятельности уже давно осведомлены третьи лица, и ваш коллега в том числе, так что свидетелей достаточно. Ну! Я жду! Господин Кнупперс, вы и так под подозрением, я бы на вашем месте не усугублял своего положения!

Некоторое время ничего не происходило, тварь продолжала таращиться в лицо «собеседника», дышать на него могильным тленом. А потом вдруг развернулась резко... или нет, даже не развернулась, просто поменялись местами голова и поджатый хвост, и медленно, словно нехотя, убрела в подворотню.

– О-ох! – тихо простонал Ивенский и привалился к стене. Сердце его стучало, колени противно, мелко-мелко тряслись, в голове было пусто и гулко. Он стоял и не двигался – оцепенение какое-то наступило. А под одежду уже забирался мороз.

– Роман Григорьевич, – Удальцев потянул его за рукав, – Роман Григорьевич, пойдёмте, а? Так холодно! – он не справился с собой и всхлипнул.

Ивенский усилием воли отлепил себя от стены.

– И правда, идёмте, не хватало ещё замёрзнуть до смерти во цвете лет! – он старался говорить спокойно и твёрдо, но в голосе всё-таки слышалась дрожь. – Стучите громче, пусть этот болван отворит!

Удальцев рьяно забарабанил кулаком в дверь.

– Открывай, скотина! Так-то у вас принято встречать постояльцев!

Громыкнула щеколда. Швейцар, испуганный и бледный осторожно выглянул на улицу. За его спиной маячили половые и горничные.

– Это что за безобразие! Как ты посмел, мерзавец, захлопнуть дверь перед носом его высокоблагородия? Оставил замерзать зимой на улице агентов Особой канцелярии! Гнать тебя надо со службы в три шеи! Завтра всё будет доложено хозяину! – развоевался нервной почве Тит Ардалионович, обычно такой мирный и добродушный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.